

Щукин М.Б.

ФЕНОМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ КОНСТАНТИНА — КОНСТАНЦИЯ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА?

Может быть, вопрос следует решать в терминах «больше-меньше», а не «или-или».
Роджер Желязны. «Владения хаоса»

Schukin M.B. Chernyakhov Culture Phenomenon in the Epoch of Constantinus the Great - Constantius II (or what is Chernyakhov Culture?)

In the epoch of Constantinus the Great (306-337 A.D.) and Constantius II (337-361 A.D.) the evident flourishing of Chernyakhov culture is observed. The recent chronological elaborations allow now to mark out in the whole mass of sites the ones belonging exactly to this period and to be convinced of astonishing multiplicity of population, relative wealth and even high level of civilization of the community. We can fix writing, both Greek and Runic, and possession the «high technologies» of the epoch. They produced wheel-made pottery of highest quality, had knowledge of rotation-grindstones, used wide glass vessels, wine and other goods brought over here in amphorae, made numerous bone-combs, bronze and silver fibulae and buckles, used for their manufacture files. We can trace nothing of the kind either for the previous, or for the following time.

According to the author's opinion, this phenomenon could be explained by the special character of connections with the Empire. In 332 A.D. Constantinus concluded a treaty (*foedus*) with the Goths, obliged them not to let other Barbarians pass the borders of the Empire and to send recruits for the Roman army. In return the Empire was obviously compelled to pay them and probable to pay much — in silver, provisions, cloths and privileges for traders. The relative prosperity caused perhaps a demographical burst.

1. Зарождение и расцвет черняховской культуры

Для того, чтобы ответить на поставленный в заголовке вопрос, нужно было бы прежде всего подробно рассмотреть проблему зарождения и возникновения данного феномена. Но, поскольку проблема эта излагается в двух параллельно публикуемых статьях (Щукин, в печати), мы не будем сейчас обсуждать эту тему в деталях. Достаточно ясно, что процесс формирования черняховской культуры был и сложным, и довольно длительным.

Сложным, потому что он протекал в период переселений различных групп населения, вызванных Маркоманнскими войнами или даже вызвавших эти войны, и в обстановке как кризиса мировых Империй (Рима и Парфии), так, вероятно, и серьезных «перестроек» варварских сообществ Центральной, Северной и Восточной

Европы, отражением чего стали и «скифские» или «готские» войны, и прорывы варваров через Дунайско-Рейнский лимес. Огни пылали по всем северным границам Империи.

В процесс формирования нового культурного явления в Восточной Европе неизбежно должны были быть втянуты, в той или иной степени, как выходцы из Северной Европы, часть которых, возможно, прошла и через горнило событий в Европе Центральной и Западной, так и местное восточноевропейское население — поздние скифы Нижнеднепровских городищ и поселений типа Молога в Буджаке, многочисленные сарматы Причерноморских степей, остатки «вольных даков» и бастарнов Прикарпатского региона, рассеянные группы постзарубинецкого населения, бывших бастарнов, ставших ве-

недами и включивших в свой состав балто-славянских выходцев из лесной зоны Восточной Европы (Щукин 1994: 26-36; 232-244; 280-290).

Определенную роль в формировании новой культурной общности могли сыграть и выходцы из римских провинций — легионеры, перешедшие на сторону варваров, военнопленные, захваченные на Балканах и в Малой Азии. Факты, что такое имело место, засвидетельствованы письменными источниками (Iord. Get. 90; Zos. 1.20-21; Zonar. 12,19; Сагарда 1916; Щукин 1991; Лавров 1997).

Прослеживаемые археологически две волны проникновения носителей вельбаркской культуры Польского Поморья в юго-восточном направлении вплоть до Посеймья и Добруджи, безусловно, играли заметную роль в этом процессе (Szczukin 1981; Щукин 1994: 244-249), но оппоненты автора были не совсем правы, когда приписывали ему идею непосредственного перерастания связываемой с готами культуры вельбаркской в черняховскую (Козак 1985; Баран и др. 1991). М.Б.Щукин никогда не был столь наивным, чтобы утверждать подобное. Он всегда находился на позициях гетерогенности, многокомпонентности данного явления.

Не будем наивны, утверждая и сугубо готскую, скандинавскую принадлежность носителей вельбаркской культуры. Это, в свою очередь, гетерогенное и многокомпонентное образование (Shchukin 1989: 292-302; Щукин 1994: 185-190, 244-278). Кроме того, в сложении черняховской культуры играли определенную роль и выходцы из других регионов Северной Европы, миновавшие вельбаркский ареал Поморья и междуручья Вислы — Западного Буга. Об этом свидетельствует, например, характер распространения таких вещей, как фибулы типа «Монструозо» и железные гребешки. Концентрация их, кроме черняховской культуры, наблюдается в Дании, а в вельбаркской культуре они практически не представлены (Wegner 1988; Щербакова, Щукин 1991; Левада, Строкова 1998). Возможно, за этим следует видеть «герульский след» в черняховской культуре. В последние годы присутствие некой герульской, боранской или иной германской группировки в Восточном и Южном Крыму, а также в низовьях Дона начинает ощущаться археологически все отчетливее. Обнаруживаются уже перестающие быть редкостью находки черняховской серой лощеной керамики, и даже найдена каменная плита с рунической надписью начала IV в н.э. на горе Опук около Феодосии (Голенко и др. 1999)

Не обошлось при формировании черняховской культуры и без определенного, пусть не слишком чувствительного, воздействия выходцев из Одерско-Позельбского региона, предстателей так называемой Любошицкой группы памятников (Щукин 1989; Шаров 1992), карподакийской группы Поянешты-Вуртешкой (Шаров 1992; 1995) и других, центрально-европей-

ских, о чем подробнее у нас пойдет еще речь ниже.

Как бы там ни было, весь этот сложный конгломерат, объединенный под властью готских королей, воспринимался греками и римлянами в III веке, испытавшими их нашествия, как «скифы, называемые готами» (Dexip. Chron. Fr. 22; Ioan Zonar. 12, 21, 26; Syncell. Chron. p. 467; Лавров 1997).

К сожалению, у нас нет инструмента, позволяющего измерить степень реального участия каждого из компонентов, поскольку явления в области материальной культуры, улавливаемые археологами, не всегда адекватно и полностью отражают демографические, социальные и этнические процессы.

Формирование же новой культурной общности было, как можно заметить, довольно длительным. Начавшись в 20-30-х годах III века, а предпосылки его восходят еще к 160-180 гг. (Щукин, в печати), процесс растянулся почти на столетие и завершился приблизительно ко времени правления в Империи Константина Великого (305-337 гг), ко времени сформирования в черняховской культуре Косановской фазы по Е.Л.Гороховскому (Гороховский 1988), третьей фазы по Бажану-Гей (Бажан, Гей 1992), второго горизонта по О.В.Шарову (Шаров 1992), фазы III-IVa по Казанскому-Легу (Kazanski, Legoux 1988) или периода 3 черняховской культуры по последней работе О.А.Гей и И.А.Бажана (Гей, Бажан 1997). Нетрудно заметить, что как в наборе признаков, характеризующих эпоху, так и в определении абсолютных дат у исследователей наблюдаются видимые расхождения (Рис. 1-2). Это вполне понятно. Применяемый ими кластерно-корреляционный метод дает возможность распознать субкультуру одного-двух поколений населения, но кластеры неизбежно перекрывают друг друга в той или иной степени. Каждое археологическое явление всегда обладает двумя датировками — «узкой» и «широкой» (Щукин 1978); будучи асинхронными в пиках дат «узких», в пределах «широких» они обязательно пересекаются с явлениями предшествующими и последующими, мы имеем дело не с «квадратами», а с «ромбами». И это естественно, поскольку и смена поколений текуча, мы имеем дело с процессом, резко обозначенных границ здесь быть не может.

Еще сложнее обстоит дело с определением абсолютных дат. Точки выходов на них через монеты, терра-сигилляты и прочее не слишком многочисленны, даты могут быть лишь ориентировочными, в значительной мере условными (Щукин, в печати).

Но уж такова природа наших источников. В силу этого мы вряд ли сможем добиться большей точности, чем имеем на сегодня, но и этого уже достаточно для приблизительного сопоставления наблюдаемых явлений с историческими событиями.

Не возникает особых сомнений, что рассмат-

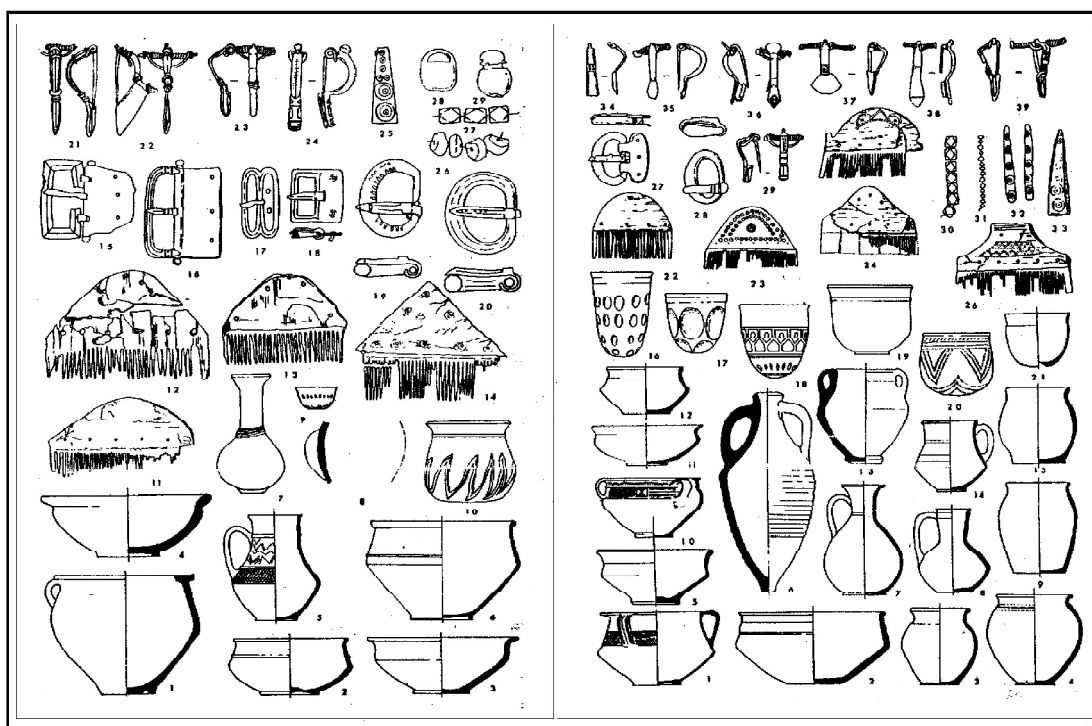

Рис. 2. Второй и третий периоды черняховской культуры по О.А. Гей и И.А.Бажану (270/280 — 310-320 и 310/320 — 350/355).

риваемый нами период приблизительно от 280 до 350/380-х годов, с пиком на 330-360 годы, был эпохой наибольшего расцвета черняховской культуры.

Именно к этому времени обширная территория от восточной Трансильвании до верховьев рек Псла и Сейма в Курской области России, на площади, немногим уступающей всей Западной и Центральной Европе, оказалась покрытой густой сетью поселений и могильников, удивительно однообразных по своему культурному облику.

Эти памятники занимают и всю территорию Молдовы, и, практически, почти всю Украину. Каждый, кому доводилось проходить археологической разведкой хотя бы один из участков этого пространства, знает, что черепки блестящей серой черняховской керамики, которую ни с какой другой не спутаешь, можно найти чуть ли не на каждом вспаханном поле Украинско-Молдавских черноземов. Следы черняховских поселений иногда тянутся на несколько километров. Похоже, мы имеем дело с неким весьма многочисленным населением, и плотность заселенности в IV веке немногим уступала современной.

Никто еще не подсчитал с точностью общее число черняховских памятников в целом, к 1960 г. только на Украине их насчитывалось 716 (Махно 1960), на сегодня число их по всем территориям значительно возросло и может колебаться от 2 до 5 тысяч, если не больше.

У нас нет пока и надежных расчетов о действительной численности носителей черняхов-

ской культуры, все имеющиеся методики подсчетов далеки от совершенства, но ясно, что «черняховцев» было достаточно много.

Возможно, в конце III в н.э. именно относительная перенаселенность Причерноморских земель вызвала неудавшуюся попытку варваров в 269-270 годах переселиться на Балканы и Грецию (Щукин, в печати). Организованное Аврелианом выселение римских колонистов из Дакии в 271-274 годах и предоставление освободившихся земель готам и тайфалам, можно думать, в какой-то мере решило проблему относительной перенаселенности (Щукин, в печати).

Неоднократно предпринимались попытки расчленения всего черняховского массива памятников на ряд локальных вариантов (Тиханова 1957; Махно 1970), однако сделать это, исходя не только из простого географического районирования, по большей концентрации памятников в том или ином районе, но и выделяя некие специфические черты, присущие лишь каждому из локальных вариантов и не свойственные другим, оказалось сложной задачей. На всем огромном пространстве черняховская культура на удивление гомогенна — все те же большие биритуальные могильники, большие поселения с длинными наземными домами и небольшими полужемлянками, устойчивый, при всем разнообразии, набор керамических форм и других вещей — фибул, пряжек, украшений. Памятники, обнаруженные в Румынии, в Поднепровье, в Поднепровье или на Курщине, практически почти не отличаются друг от друга.

Определенную специфику имеют лишь некоторые маргинальные группы, из которых наиболее ярко выделяются четыре. Возникает даже проблема справедливости традиционного включения их в собственно черняховскую культуру, но мы не будем сейчас заниматься вопросами терминологии.

1. В междуречье верховьев Днестра и Западного Буга, в основном в пределах нынешней Львовской области Украины, существует особая группа памятников, которую по одному из наиболее исследованных поселений (Баран 1959; 1964; 1981) можно было бы назвать Рипневской. Как полагают, она сформировалась на основе пшеворско-зарубинецкой Зубрецкой группы памятников предшествующего времени (Козак 1992) и спецификой ее является почти полное отсутствие могильников (вероятно, применялись погребальные обряды, неуловимые для археологов), сравнительная редкость длинных домов на поселениях. Есть определенные отличия и в наборе форм гончарной керамики, и в большем проценте лепной посуды, представленной горшками. В.Д.Баран, исследовавший эти памятники, а он и сам уроженец этих краев, склонен переносить полученные результаты на черняховскую культуру в целом (Баран 1981), что вряд ли полностью оправдано.

2. Соседняя Волынская группа тоже обладает своей спецификой (Кухаренко 1958), выражающейся прежде всего в преобладании вельбаркских элементов, главным образом в керамике, по сравнению с другими областями черняховской культуры. Промежуточное положение Волыни между основным массивом черняховских памятников и синхронными памятниками вельбаркско-цецельской культуры в Мазовии, Подлясье и в низовьях Вислы обеспечивало, вероятно, и промежуточное состояние облика Волынской группы.

Неоднократно высказывались соображения, что эта группа связана скорее не с готами, а с их родственниками гепидами (Щукин 1962; Kokowski 1995), в ряде ситуаций враждебных готам (Щукин, в печати).

3. Есть своя специфика и в памятниках северо-восточного угла черняховского ареала в пределах верховьев левых притоков Днестра, где наблюдается чересполосица памятников черняховской и так называемой киевской культур (Терпиловский 1984; Обломский 1994; Щукин 1987)

4. Определенным своеобразием отличаются памятники побережья Черного моря между устьями Дуная и Днестра. В отличие от прочих черняховцев, жители этого региона строили дома-усадыбы на сложенных насухо из рваного камня фундаментах (Магомедов 1987; Гудкова 1987). Более значителен здесь процент и погребений, сохраняющих скифо-сарматские традиции — катакомбы, подбои, так называемые «могилы с заплечиками». От основного массива черняховских памятников эту группу отделяет и от-

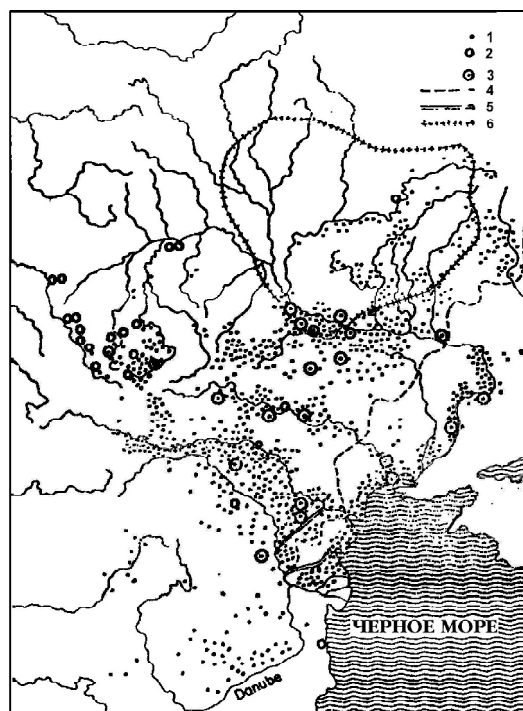

Рис.3. Распространение черняховских памятников с зоной пустоты между ними (по О.А.Гей и М.Б.Щукину).

четливо видимая зона пустоты (Гей 1980). Была одно время даже идея выделить эти памятники в особую кисёловскую культуру (Щукин 1970; 1979), но поскольку все прочие элементы не отличаются от собственно черняховских, то все-таки вряд ли стоит говорить об особой археологической культуре.

Не исключено, что именно упомянутая зона пустоты отделяет ареалы расселения Остготов-Остроготов-Гревтунгов (степных гот) и Вестготов-Визиготов-Тервингов (лесных гот). Ведь разделение Визиготов во главе с королями из рода Балтов и Остроготов с их королями из рода Амалов произошло «по каким-то своим причинам», как пишет Иордан (Iord. Get. 130), не ранее середины IV в н.э., накануне вторжения гуннов, во времена Германариха-Атанариха, а ассоциация их названия с готами восточными и западными возникла, возможно, еще позже, когда и те и другие находились уже в Италии и Испании. Поэтому нас не должно смущать, что граница, разделяющая две группировки носителей черняховской культуры, идет не в меридиональном, а в широтном направлении. Тем более что, если учесть неизбежные искажения при переносе географических реалий сферы земного шара на плоскость карты, то на самом деле (Рис. 3) упомянутая зона пустоты направлена по линии Юго-Запад — Северо-Восток (Shchukin 1994). Впрочем, это лишь идея для дальнейших разработок.

Одним из наиболее ярких элементов, нивелирующих все памятники черняховской культуры, является специфическая серая гончарная

керамика, поражающая высоким качеством своего изготовления, разнообразием форм и изяществом пропорций мисок, кувшинов, трехручных ваз, кубков и др.

Это, безусловно, изделия мастеров высочайшей квалификации, достигающих подчас совершенства и гармоничности шедевров прикладного искусства, подобного набора форм мы не найдем для этого времени ни у мастеров-гончаров античности, ни в Барбарикуме Европы.

Хотя, казалось бы, в непосредственной близости от западных границ черняховской культуры тоже производилась гончарная керамика и открыты центры ее изготовления — Тропишев (Reyman 1936), Иголома и Зофиополе (Gajewski 1959; Buratynski 1976; Dobrzanska 1990) в южной Польше, Блажицы в Словакии (Lamiova-Schmiedlova 1969), Берегшурань-Берегово на Венгерско-Украинской границе (Csallani et al. 1967), но производилась здесь посуда несколько иных форм, а главное, даже на близлежащих поселениях и могильниках процент гончарной посуды сравнительно невелик и заметно уступает количеству кружалной керамики черняховских памятников, некоторые из которых дают почти исключительно гончарную посуду.

Подобная картина наблюдается и западнее, где в районах, примыкающих к лимесу, имеется и гончарная посуда, и горны для ее обжига, но в целом процент лепной посуды по всей «Свободной Германии» остается преобладающим.

Исследователей давно уже мучает вопрос: где черняховские гончары научились этой технике, откуда взяли они прототипы этих форм? Среди памятников черняховской культуры остатки горнов для обжига керамики зафиксированы в 47 случаях (Бобринский 1991: рис.1) и все они двухъярусные: в верхнюю камеру загружалась обжигаемая посуда, в нижней находилась топка. При некоторых различиях деталей конструкции, основных вариантов два — с центральным, круглым или овальным столбом в топочной камере или с продольной стенкой, делящей камеру на две части.

Гончарный круг не был известен ни носителям вельбаркской культуры, ни местным предшественникам черняховцев, за исключением разве что носителей липицкой культуры и культуры Поянешты-Вуртешкой, которые тоже производили серую лощеную керамику и обжигали ее в таких же по конструкции горнах, но набор форм у них был совершенно другой.

Проще всего было бы предположить, что черняховцы обучились гончарному делу у мастеров античных городов — Тире, Ольвии и других — и такие предположения делались (Тиханова 1973). Но, как показывают специальные исследования, в античных центрах Причерноморья, Нижнего Подунавья и Фракии преобладает гончарная керамика и других форм, и других технологий производства. В отличие от черняховской серой, она, по преимуществу, крас-

ная или желтая, а это означает, что гончары ограничивались при обжиге лишь первым этапом процесса. Если же после первичного обжига закрыть доступ воздуха в загрузочную камеру горна, а в топке оставить лишь тлеющие дрова, добавив таких, которые дают копоть и дым, получится посуда серая или черная. Керамистам это хорошо известно (Бобринский 1991: 139). Черняховские мастера так и делали.

В античных центрах Причерноморья, Нижнего Подунавья и Фракии серая керамика тоже встречается, но, как показало специальное исследование (Гудкова, Крапивина 1988; 1990), она является сравнительно редкой и выглядит здесь чуждой, по формам она тоже заметно отличается от черняховской.

Серую гончарную посуду издавна изготавливали и сармато-меотские мастера Прикубанья, но большинство форм ее не совпадает с черняховскими, а, как выясняется, и горны здесь, как и в античных центрах, имели некоторые иные конструктивные детали (Бобринский 1991: 198-201).

Поиски аналогий конструкции черняховских горнов неожиданно приводят в мир кельтов, где таковые известны еще с III-I вв. до н.э., а затем, после оккупации римлянами Галлии, Реции, Норика, Паннонии, Британии и Дакии, после становления лимеса по Рейну-Дунаю, горны той же конструкции были восприняты как жителями вновь образованных провинций, так и варварами, жившими в непосредственной близости от границы.

По всей пограничной полосе от Британии до Дакии таких горнов эпохи позднего Латена и раннего римского времени известно достаточно много (Бобринский 1991: 196-201).

Любопытно, что самым парадоксальным образом целый ряд форм черняховских гончарных мисок до удивления напоминает именно кельтскую гончарную лощеную посуду (Щукин 1973), но последняя значительно раньше по времени, да и кельтов, как таковых, практически уже не существовало к моменту сложения черняховской культуры.

Яркая кельтская цивилизация, на протяжении эпохи Латена, с IV по I вв. до н.э., во многом определявшая культурный облик населения всей Европы, на рубеже нашей эры погибла под ударами римлян, даков и германцев (Shchukin 1989; Щукин 1994). Часть кельтского мира была захвачена римлянами и местное население сильно романизировано, часть кельтских земель была занята германцами.

Откуда же вдруг такое возрождение кельтских традиций, которые проявились не только в гончарном производстве, но и в некоторых других сферах? С III в. опять, как в эпоху Латена, входят в моду проволочные фибулы подвальной конструкции, вместо литых раннеримских; возрождаются и некоторые формы кельтских украшений, что отмечено, в частности, для вельбаркской культуры (Kostzewski 1961); вместо обыч-

ных трупосожжений германцы шире начинают использовать обряд труположения и т.д. (Щукин 1973).

Это явление «Кельтского Ренессанса» еще плохо изучено и во многих отношениях остается загадочным. Проявление его в черняховской культуре — лишь часть более широких культурных процессов, охвативших и Барбарикум, и Империю.

Что касается Империи, то, вероятно, совсем не случайно в 212 году возник знаменитый эдикт императора Каракаллы, предоставлявший права римских граждан всем свободным жителям Империи вне зависимости от происхождения. Владения Империи расширились до возможно мыслимых пределов, и Маркоманские войны показали, что дальнейшие завоевания вряд ли возможны. Численность завоеванных провинциалов, принявших римский образ жизни, намного превосходила число уроженцев Рима и Италии. Роль провинциалов во всех сферах жизни государства неизбежно возрастала, а ограничения, налагаемые на провинциалов законами, весьма тормозили их жизнеактивность. Ситуация настолько назрела, что провинциалам даже не приходилось особенно лоббировать правительство, а Каракалле, который, казалось бы, особой политической мудростью не отличался, но сам был сыном ливийца и финикиянки, не оставалось ничего другого, как издать соответствующий эдикт, юридически фиксирующий уже сложившуюся ситуацию.

Эдикт означал для провинциалов снижение налогового и административного бремени и развязывал им руки в любой сфере деятельности — от создания лавочки или гончарной мастерской до возможностей административной или военной карьеры, что не преминуло вскоре и сказаться. Появление таких политических фигур, как Максимин Фракиец или Филипп Араб, вряд ли было бы возможным без этого эдикта.

Законотворчество Каракаллы, впрочем, не спасло Империю от назревавшего кризиса, вероятно, предпринятые меры в какой-то мере запоздали, быть может, эдикт этому кризису даже способствовал, но мы не будем сейчас вникать в вопросы социальной истории Империи, в выяснение причин кризиса III века. Это специальная тема, и достаточно большое число работ по этому поводу уже написано (Finley 1978; Oliva 1962; Штаерман 1957; 1978 и др.).

Для нас важно лишь следующее: шел неизбежный процесс «провинциализации» культуры Империи, эдикт должен был активизировать деятельность провинциалов, а большинство тех из них, что жили вдоль Рейна, вдоль верхнего и среднего Дуная, были бывшими кельтами, романизованными, но кельтами, и именно с ними приходилось сталкиваться в первую очередь германцам из-за лимеса, который не только разделял два мира — римской цивилизации и варваров, — но и был зоной взаимных культурных

влияний. О возможностях же взаимных культурных контактов жителей «Свободной Германии» с обитателями Причерноморья говорится в вышеупомянутых статьях — набеги готов, боранов, уругундов и карпов то на Балканы, то на Италию, то через Боспор и Северное Причерноморье на Малую Азию и Кавказское побережье (Щукин, в печати).

В этом контексте определенный интерес может представлять попытка найти прототипы одного из наиболее распространенных видов черняховской кружальной посуды, а именно мисок с пластическими валиками на плечиках сосуда (Шаров 1995; Šarov 1995: 121-122).

С одной стороны, некоторые параллели нашлись среди гончарных изделий горизонта Лейна-Хаслебен (Šarov 1995: Abb. 8, 5-8), а еще более близкие — в сосудах из Вормса (Unverzagt 1916). С другой стороны, весьма близкие типы оказались хорошо представлены в формах лепной посуды из Тюрингии и Майнфранка (Šarov 1995: Abb. 9-10; Laser 1965: Taf. 5: 27, 41, 45; Uslar 1938: Taf.6: 5-8, 10-12; Roeren 1960: 233). Складывается впечатление, что гончары из Вормса и мастера черняховской культуры воспроизводили в гончарной технике формы излюбленные германцами именно этих регионов — Среднего Позльбья, бассейнов Заале и Майна, которые, в свою очередь, в I веке подражали гончарной керамике местных кельтов. Высказывалось предположение, что все эти процессы протекали не без участия племен бургундов (Шаров 1995а: 22-23). Обе идеи, впрочем, нуждаются в дополнительной разработке и детализации.

Определенное направление поисков ответа на вопрос, кем могли быть мастера, производившие гончарную керамику для черняховцев и научившие их этой технологии, могут указать уникальные находки из Лепесовки.

Здесь М.А.Тиханова раскопала два довольно хорошо сохранившихся гончарных горна с центральным столбом в топочной камере (Тиханова 1973). Один из столбов был дополнительно обмазан глиной и в эту облицовку включены черепки нескольких горшков. Такой прием использования керамики для усиления теплоотдачи достаточно часто применялся гончарами, работавшими в кастеллах и каструмах римского лимеса (Бобринский 1991: 155; Drews 1979).

Упомянутые черепки не похожи ни на столовую, ни на кухонную керамику черняховской культуры. Они серо-коричневые, сравнительно тонкостенные с шероховатой поверхностью, часть тулова горшков было покрыто рифлением, а венчик сильно отогнут наружу и имеет сложную профилировку (Рис. 4). С первого взгляда эта керамика напоминает средневековую, но сомневаться в стратиграфическом положении находки не приходится. Горн явно римского времени, к моменту гибели был действу-

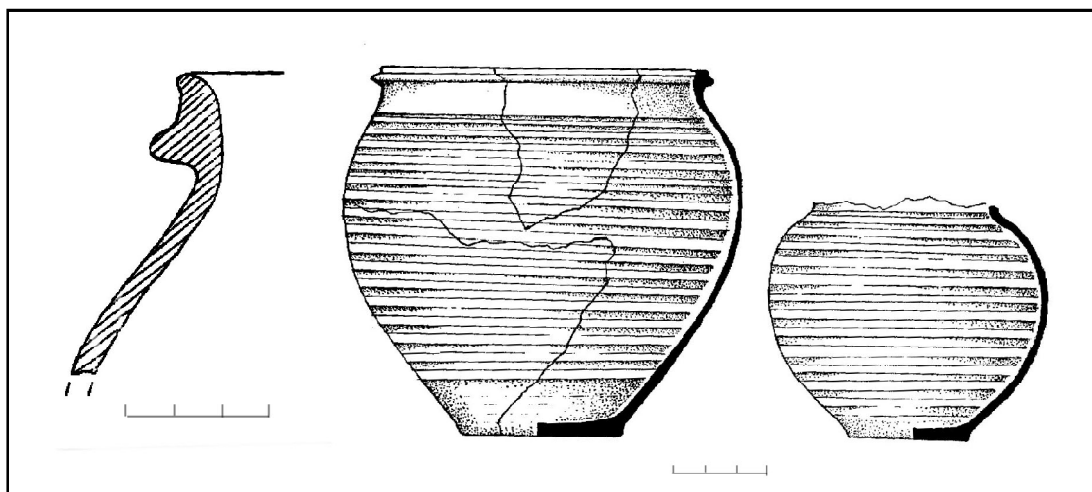

Рис. 4. Гончарные сосуды из конструкции горнов в Лепесовке.

ющим, и обжигалась в нем черняховская керамика, в том числе и миски с валиками.

Поскольку черепки этой рифленой посуды были включены в конструкцию горна при его постройке, можно думать, что эта необычная для черняховской культуры керамика была принесена с собой мастерами, соорудившими горн. Мы имеем, таким образом, своеобразную «визитную карточку» гончаров. Остается только расшифровать, что на ней написано. Проблемой специально занималась И.Д.Зильманович (1995) и пришла к заключению, что, с одной стороны, сходная керамика обнаружена в гончарных мастерских Аквинка на Среднем Дунае (Росзу 1956), с другой стороны, подобная керамика имеется в кастеллах Верхнерейнского и Верхнедунайского лимеса, где, по классификации В.Унферцагга, носит название Алцай 27. Как и у лепесовских горшков, этот тип керамики имеет сложнопрофилированный «сердцевидный» венчик (Unferzagt 1916; Unferzagt 1970: 75, Abb. 7:10; Oelmann 1914: Taf.120; Kaschau 1973; Fellmann 1952). Большая часть находок относится ко второй половине II-III, хотя на Нижнем Дунае встречается и позже, в конце IV века (ВШттгер 1973: Taf.45:88).

Казалось бы, поиск «адресата» опять ведет нас на Майн, в верховья Рейна и Дуная. Но визуальное знакомство с керамикой кастелла Алцай и других прилимесных пунктов из коллекций музеев в Майнце, Фракфурте, Вормсе и Висбадене показало, что тип Алцай 27 не идентичен керамике из Лепесовки, при общем сходстве профилировки фактура черепка и поверхности иные. В лепесовских сосудах больше ощущается примесь песка в глиняном тесте.

Дальнейшее знакомство с литературой, консультации со специалистами и беглое, по необходимости, знакомство с коллекциями керамики из Кельна, Ксантена, Бонна и некоторых пунктов в Англии привели нас к заключению, что разные вариации яйцевидных горшков со сложнопрофилированными венчиками иногда с риф-

лением по тулову встречаются в том или ином количестве практически почти во всех местах, где стояли римские легионы, от Адрианова вала до Евфрата. К параллелям, собранным И.Д.Зильманович, можно добавить еще целую серию (Hunold 1995: Taf. 52-53; Gillam 1957: Fig.12:104; 13: 109,113; 18: 541; Parker 1979: Fig. 92, 93, 100, 299, 541; Ettlinger, Simonett 1952: Taf.2:33,34; Walke 1965, Taf.65; Filtzinger 1972: Taf. 1:8; 2:2; 57: 7-9; 79:3; Plank 1975: Taf. 46:5; 51; 62: 9; Simon 1976: Taf. 24:575; 25:636; 45:170; Müller 1977: Taf.84: 438; 29:209; 67:320; Banki 1982: Taf. XV,12; Grünwald et al. 1983: Abb.36:8-11; 42; 43:1-5).

Все это параллели в той или иной мере близкие, но сосудов, абсолютно идентичных лепесовским, мы так и не обнаружили. О некоторых же не можем судить, поскольку, сравнивая керамику, ее нужно видеть воочию, держать в руках.

Между прочим, о контактах носителей черняховской культуры с обитателями прилимесных провинций Империи могут свидетельствовать и нередкие находки жерновов. Как подметил Р.С. Минасян, черняховские жернова полностью воспроизводят форму и конструкцию именно солдатских походных жерновов римской армии (Минасян 1978).

Обнаружение истоков таких форм черняховской керамики, как миски с валиками, и даже установление «адреса» лепесовских гончаров еще не решает проблему происхождения черняховской керамики в целом, решается только часть проблемы, проясняются лишь отдельные эпизоды более широкого процесса. Ассортимент черняховской посуды чрезвычайно разнообразен, и нужно будет искать истоки каждой формы мисок, кувшинов, горшков, кружек и так далее. А это может повести в самые разные стороны — и к воспроизведению в гончарной технике некоторых форм вельбаркской и шеворской посуды, и к керамике дакийской, культур липицкой и Поянешты-Вуртешкой, а в некото-

рых случаях и к античной, и к меотской керамике (Каспарова, Щукин 1979). Возможны и другие варианты, все это еще предмет будущего исследования.

Ясно, что значительная часть форм является и собственным творчеством черняховских мастеров.

О том, сколь сложным, многообразным и многокомпонентным был процесс выработки своеобразного стиля черняховской керамики, свидетельствует изучение шедевра прикладного искусства черняховцев — пары больших серых гончарных ваз из Лепесовки (Тиханова 1960; Щукин 1994; I Goti...1994: fig.1, 98-99, p.76-77).

Они цилиндро-конической формы, на высокой ножке, с широким венчиком-воротником, украшенном пролощенными загадочными рисунками-пиктограммами. Под венчиком — ажурный фриз из треугольников. На три двухчастные ручки надеты подвижные керамические колечки (рис. 5-6).

Мы не будем заниматься почти безнадежным

делом расшифровки пиктограмм на венчиках сосудов. На одном из них рисунки расположены в девяти секторах, на другом — в двенадцати, и не исключено, что в последнем случае мы действительно имеем дело с неким календарем. Интерес к календарному счету во времена создания лепесовских чаш во всем мире был действительно велик, не случайно эта проблема специально обсуждалась на Никейском Соборе христианских епископов в 325 году. Тогда уже стало ясно, что введенный Юлием Цезарем календарь ошибается на сутки в 128 лет, и уже возникли противоречия между лунным еврейским календарем и солнечным римским. Весенний праздник Пасхи и Воскресения Господня грозил со временем сдвинуться в лето, и епископы это понимали. Тогда-то и пришлось выработать «Великий Индиктион», календарь, позволяющий рассчитывать праздник Воскресения, ставший подвижным (Зелинский 1978).

Но сходные проблемы должны были волновать и языческих жрецов, тоже «хранителей вре-

Рис. 5-6. «Чары» из Лепесовки и их пиктограммы.

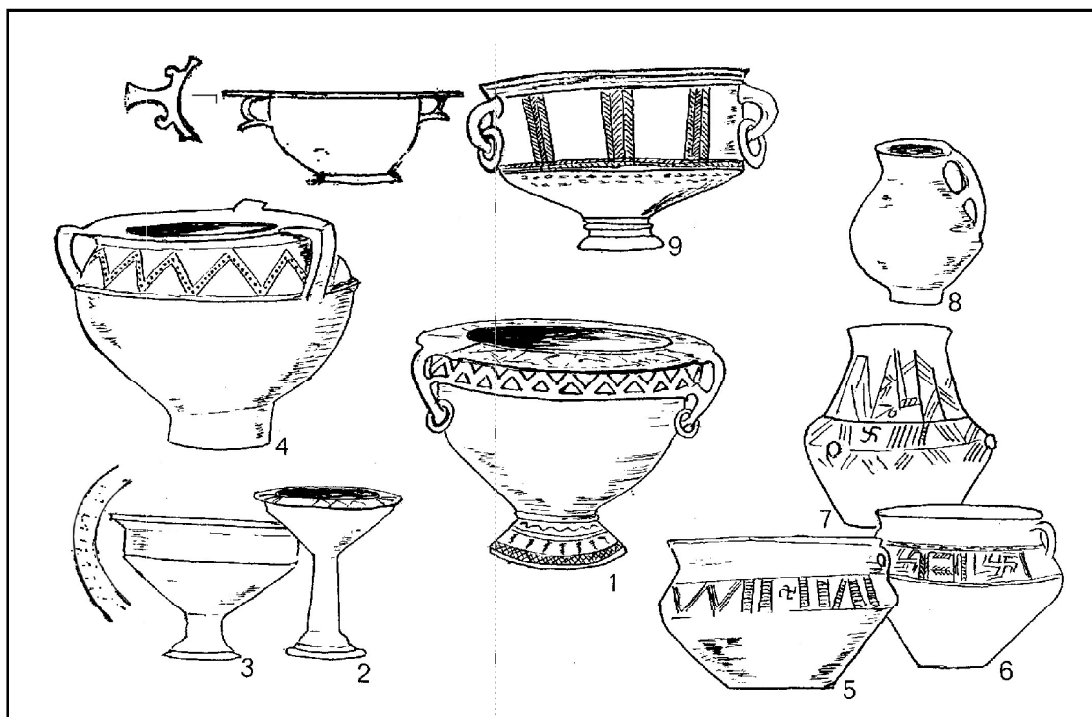

Рис. 7. Аналоги деталям Лепесовских «чар».

мени», оповещавших свою паству о поре тех или иных аграрных циклов. Разногласия между солнечным и лунным счетом времени объективны, и всегда существовала необходимость достижения определенной согласованности между ними. Возможно, рисунки на чашах и помогали их владельцам производить какие-то расчеты. Но мы не рискнули бы, вслед за Б.А.Рыбаковым (Рыбаков 1962; 1987: 164-194), расшифровать изображения на лепесовских вазах, исходя из пережитков древних аграрных культов в религиозной, уже христианской, практике этнографических славян, слишком уж велик хронологический разрыв.

Кроме того, аграрные циклы во всей Европе достаточно сходны: почти повсеместно сеют в апреле, а убирают урожай в августе, так что не обязательно исходить исключительно из славянского, восточно-европейского календаря, следовало бы рассмотреть и другие — германский, кельтский, скандинавский и так далее.

Для нас же важно в лепесовских чашах иное, а именно то сложное переплетение различных культурных традиций, которые в них можно наблюдать. Чаши уникальны и полных аналогий им нет, но отдельные элементы находят параллели в различных окружающих культурах.

Так, сама форма чаш на высокой ножке (рис. 7:2) очень напоминает гончарные «вазы-фруктовницы» липицкой культуры (Smiszko 1932: tabl.VII,7,9), а еще ближе по пропорциям «фруктовницам» культуры Поянешты-Вуртешкой (рис. 7:3) (Vichir 1973: pl. XLIX-CIII). Самую же близкую аналогию лепесовским вазам представляет сосуд из могильника Пет около Новой Заго-

ры в Болгарии (Кънчев 1973: табл. 94). Та же высокая ножка, широкий венчик, подвесные колечки на ручках. Только ручек в этом случае четыре, а сам сосуд в два раза меньше лепесовских.

Трехручные же сосуды разных вариаций мы без труда обнаружим среди лепной керамики пшеворской культуры (Prahistoria... 1981: tabl. II, 12; III,3,4,5; IV, 5,11; Hadaczek 1909: Tabl.R,29,30). Некоторые сосуды имеют и воротничкообразный венчик с нанесенными на него пиктограммами (Dąbrowska 1997: Taf.LXXI,7; Taf.LXXXVII, 12).

На некие северо-западные связи могла бы указывать форма сдвоенных ручек с перемычкой. Такие же, или даже многочастные, являются характерным признаком Западных Балтов, древних обитателей северо-восточной Польши и современной Калининградской области (Okulicz 1973: rys. 154-a, 155-b, 164-b,d, 181-a,b).

Что касается подвесных колечек на ручках, то это элемент достаточно редкий, но имеющий довольно широкое распространение. Кроме упомянутой вазочки из Пет в Болгарии, имеются колечки и на сосудах из Писарево Плевенско (Табаква-Цанова 1964: рис 8-9), известны они и на ряде сосудов из Германии (Lazer 1965: taf. 27,2; 28 a), Венгрии (Bona 1963: Taf.XLV,1) и Скандинавии (Albrectsen 1971: gr.897; ВЭе 1931: Fig. 233; Thrane 1993: Pl. 15). Возможно, эти колечки изготавливались в подражание античной бронзовой посуде с кольцеобразными ручками.

Проявляется воздействие античных торевтов на мастеров лепесовских ваз и еще в одном элементе — способе оформления места соединения ручки с венчиком в виде фигурного рас-

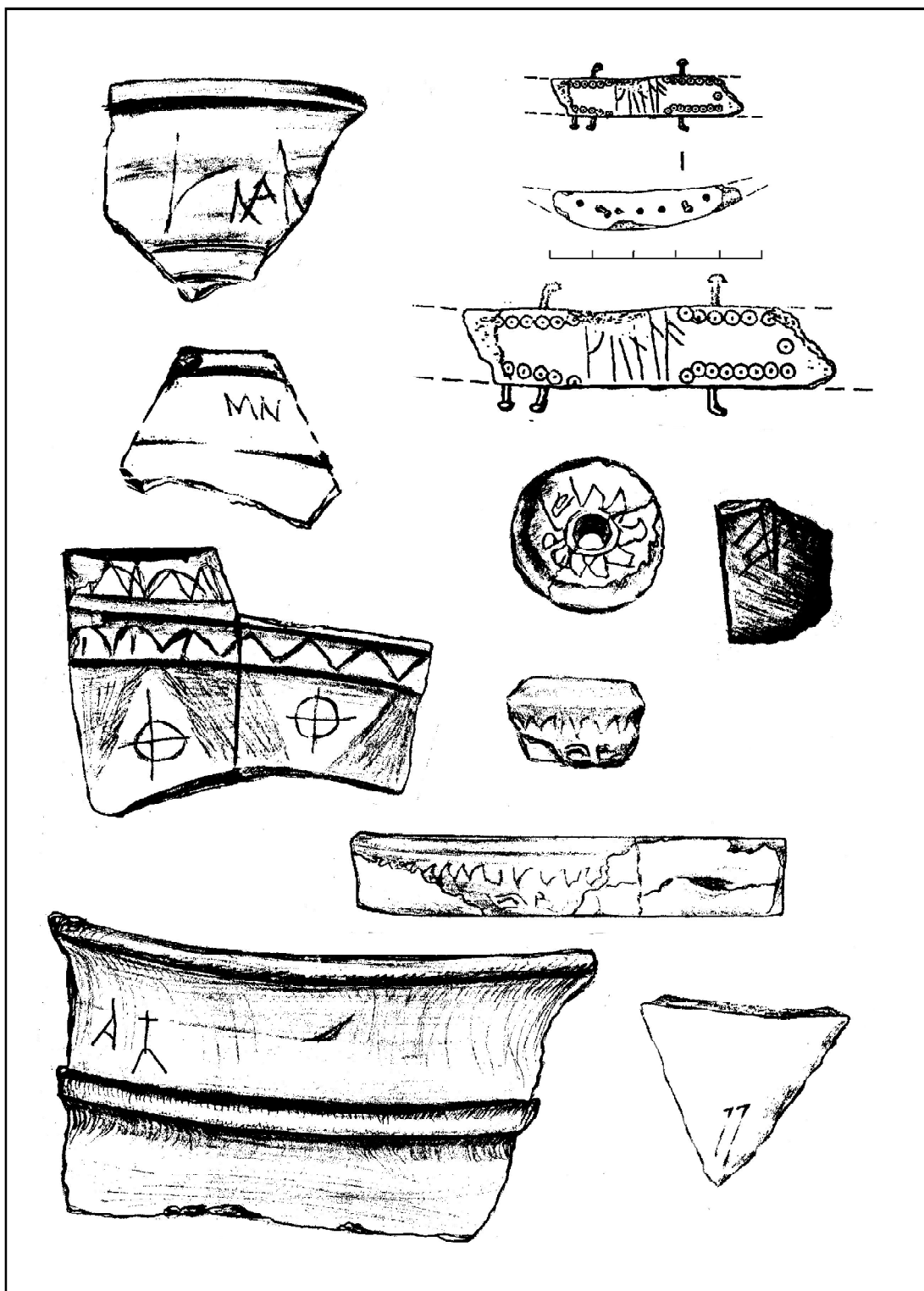

Рис. 8. Рунические надписи на гребне из Белгородской обл. и на керамике из Лепесовки (рисунки К. Чугуновой).

ширения. Таким же образом часто оформлялись ручки серебряных и стеклянных античных канфаров и других сосудов (рис. 7: 10).

Примечательно, что приблизительно такой же широкий круг связей очерчивает и изучение лепной керамики поселения Лепесовка (Щукин 1989). Черепки черняховской гончарной посуды

составляют здесь 79%, а среди оставшейся лепной первое место принадлежит керамике вельбаркской (39%) и пшеворской (12,42%) культур. Но в незначительном количестве (до 0,51%) представлена керамика, которая может быть сопоставлена с посудой жителей Поэльбья и с Западными Балтами. Среди лепной керамики

Лепесовки, правда, совсем нет элементов дакийских культур, но зато достаточно обильно (11,57%) представлена керамика культуры киевской (о ней мы еще будем говорить в дальнейшем), а также керамика, напоминающая находки с поселений соседней Зубрецкой группы (2,75%) и развившейся на ее основе черняховской Рипневской группы (6,9%). Есть также небольшая процент керамики штрихованной (0,9%), свидетельствующий об определенных контактах с обитателями нынешней Белоруссии и Восточной Литвы.

В отличие от прочих культурных элементов, которые могли быть результатом торговли, влияний, деятельности инородных мастеров и проч., лепная посуда могла попасть на поселение лишь вместе с представителями или, скорее, представителями окружающих культур.

Вернемся, однако, к лепесовским гончарным вазам. Хотя пиктографические рисунки лепесовских сосудов не поддаются расшифровке и прочтению, многие из используемых знаков повторяются и на сходных пиктограммах из других мест, и сам факт их распространения достаточно знаменателен.

Мы можем найти подобные и на вельбаркской керамике, в частности, на одной из мисок, обнаруженных в той же Лепесовке (Тиханова 1964: рис.18:4; Щукин 1989: рис.3:4; I Goti...1994: Fig. 1, 51, p.57. В последнем издании она ошибочно отнесена к вещам, происходящим из Пруца-Гданьского), а также у предшественников вельбаркцев в Поморье, носителей культуры оксывской (Рис. 7:6; Prahistoria...1981: tabl. XIX,2), и у северных соседей вельбаркцев, жителей острова Борнхольм (Klind-Jensen 1957: Fig. 93:1; 96), и в других памятниках Циркумбалтийского региона.

На острове Готланд на могильнике Удвиде сходные знаки были выложены из камней внутри концентрических каменных кругов, опоясывающих одно из захоронений позднеримского времени (Mappeke 1987: 216).

Традиция таких пиктограмм, иногда действительно имеющих календарный смысл, существовала в Скандинавии достаточно долго, о чем свидетельствует, в частности, деревянная шайба с нанесенными на обеих сторонах ее пиктограммами из Остфольда в Норвегии, датированная 1550 годом (Wirth 1974).

По всей вероятности, еще в первые века нашей эры в германской среде возникла потребность передачи информации в графически выраженной форме, что привело, в конечном итоге, к созданию рунической письменности (Wemer 1966), а в IV в. — к изобретению того своеобразного шрифта, которым была записана Библия Ульфилы на готском языке. Наряду с этим, очевидно, продолжалось использование и некоего пиктографического письма, и «орнаменты» ваз из Лепесовки — тому свидетельство.

Впрочем, пользовались жители этого посе-

ления и греческим, и руническим письмом, и латынью (Mitrea 1972: fig.3). Из Лепесовки происходит целая серия граффити (Рис. 8) на греческом языке и рунических (Тиханова 1963; Тиханова 1976; Тиханова 1977: 140-141; I Goti...1994: fig. 1,95), причем часть их была сделана на сосудах еще до обжига. Лепесовка дает на сегодня наибольшее число надписей, 8 экземпляров, но известны они и на других черняховских памятниках, например, руническая надпись на пряслице из Леткани в Румынии (Ionița 1972: fig. 2), недавно был обнаружен гребень с руникой (Рис. 8: 3) на одном из поселений в восточной части черняховского ареала, в Белгородской области (Ерошенко, Семенов 1998), а при раскопках поселения у хутора Одая в Молдавии нам довелось найти обломок черняховского сосуда с обрывком двустрочной греческой надписи (рис. 9:1). Черняховцы были в достаточной мере грамотны.

Особый интерес может представлять надпись на толстом лепном черепке из жилища 26 поселения Черепин во Львовской области (Баран 1981: рис.45), сделанная по сырой глине до обжига сосуда. Черепок, к сожалению, слишком мал, чтобы представить себе форму сосуда, но ясно, что он принадлежит к одному из типов лепных горшков, характерных для Рипневского варианта черняховской культуры.

В.Д. Баран прочитал надпись как LADO или LADOI, сделанную странным сочетанием смеси греческих и латинских букв. Считал ее славянской. Но Г.Нудьга и Г.Марченко увидели здесь слово этрусского или оскского языка (Нудьга 1979; Марченко Г. 1982). Такое прочтение выглядит несколько фантастично, опубликовано в популярном журнале, и можно было бы не отсылаться к этому серьезно. Однако, если мы вспомним, что Черепин находится в области бывшего расселения бастарнов, вспомним о загадочности происхождения этого исчезнувшего этноса, бывшего, по всей вероятности, одним из «третьих» народов «между германцами и кельтами» (Щукин 1994: 116-137), то трактовка названных авторов может показаться и не столь невероятной. Впрочем, решать эту проблему должны специалисты по эпиграфике и лингвистике, а они, насколько нам известно, надписью из Черепина еще не занимались.

Определенным свидетельством «цивизованности», и уж во всяком случае, показателем высокого профессионализма черняховских ремесленников могут служить многочисленные роговые и костяные гребни — наборные, составленные из ряда подогнанных друг к другу пластинок в три слоя. Из нескольких пластинок с зубцами составлялась основа гребня, зажатая как «сэндвич» двумя крупными пластинами, образующими ручку или «спинку» гребня. Вся конструкция скреплялась бронзовыми или железными штифтами-заклепками. Изготовление таких гребней было делом и достаточно трудоемким,

и требовавшим тщательности и точности.

Гребни такого рода известны не только в черняховской культуре, и карта распространения различных их типов достаточно любопытна и показательна (Щукин 1977: рис. 1). Она составлена еще в 1977 году по данным З.Томас (Thomas 1960), Г.Ф.Никитиной (1969) и А.Хмельёвской (Chmielowska 1971) и сейчас, естественно, не может претендовать на полноту, но основные тенденции она все же где-то отражает.

Гребни с полукруглой или сегментовидной спинкой, бытовавшие в основном в III веке и приблизительно до середины IV века, а наиболее обильно представлены они в Позэльбье, в Поморье, в Мазурии и в южной Скандинавии. На черняховских памятниках их тоже достаточно много, но их почти нет в Среднем Подунавье.

Гребни с трапециевидной спинкой не столь многочисленны, как полукруглые, известны они и черняховской культуре, и рассыпаны по всему ареалу распространения гребней от Везера и Эльбы и от Балтики до Черного моря. Примечательно их преобладание, по сравнению с другими областями, в Ютландии. Изредка встречаются они и в Среднем Подунавье. В черняховской культуре, судя по корреляции в комплексах, они занимают сравнительно раннюю хронологическую позицию (Бажан, Гей 1992; Шаров 1992; Щукин, Щербакова 1986: 191).

Относительно более поздние гребни с полукруглыми или фигурными выступами на спинке достаточно разнообразны и многочисленны в черняховской культуре, рассыпаны по всей территории от Позэльбья до Повисленья, но почти полностью отсутствуют в Скандинавии. Зато определенная концентрация их наблюдается в Среднем Подунавье, в частности, и в пределах Римских провинций.

Специфику же западных, Везерско-Эльбских земель составляют гребни с треугольной спинкой (Thomas 1960: 49-101). На остальных территориях они редки, а в черняховской культуре встречен такой гребень лишь однажды — в погребении 356 могильника Данчены (Рафалович 1986: табл. LI, 19; Щукин, Щербакова 1986: 191).

Нетрудно заметить, что трехслойные гребни практически почти полностью отсутствуют в Порейнье, в Галлии, на Верхнем Дунае и вообще в пределах Империи, там пользовались по преимуществу двусторонними расческами, изготовленными, впрочем, в той же «трехслойной» технике. К носителям черняховской культуры они попадали лишь изредка (Mitrea, Preda 1966: Fig. 33, 2).

Одиночные находки односторонних «черняховских» гребней отмечены, правда, и вне основного их ареала, в частности, на юге Галлии (Kazanski 1985), в Испании (Rodriguez-Aragon 1996: fig. 1.), несколько больше на Среднем Рейне и в Среднем Подунавье, но это, как правило,

поздние варианты, и их находки обычно связываются с проникновением сюда германцев в начале V века. Сравнительно редки находки гребней и в сарматских памятниках, и в Крыму, хотя отдельные тоже встречаются.

Очевидно лишь одно: гребень — характерный предмет германского мира позднеримской эпохи, и по этому показателю черняховская культура в этот мир вписывается.

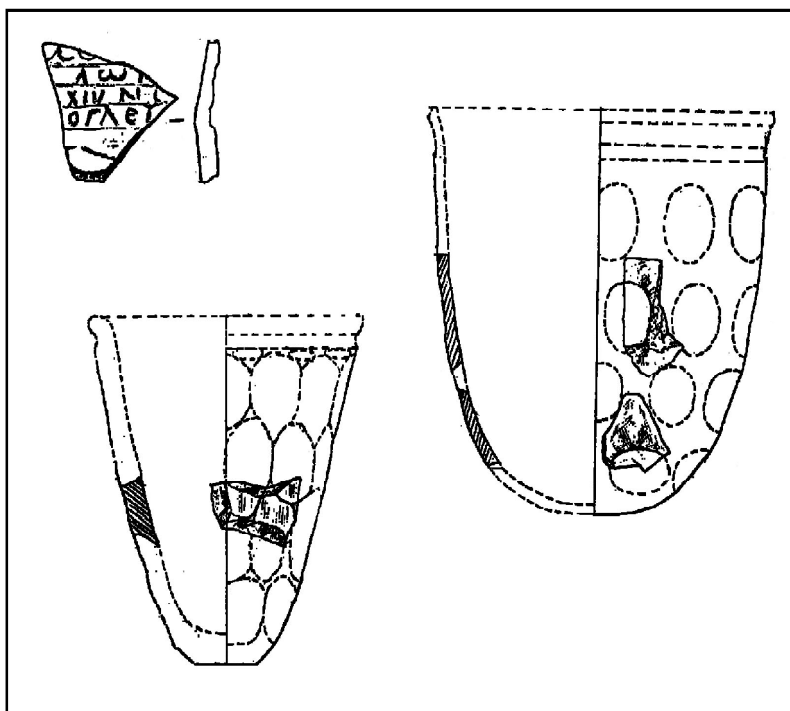
Мы не знаем, какие прически носили черняховцы, на этот счет у нас нет данных. Завязывали ли длинные волосы в узел над правым виском, как это делали свевы (Тас. Germ.38), что зафиксировано и болотными находками из Шлезвиг-Гольштейна (Schlabow 1949), и имеющимися бронзовыми фигурками, изображающими германцев — статуэтка из Национальной Библиотеки в Париже (Germanen... 1976: Taf. 37), головки на ручках бронзового сосуда из Мушова в Чехии (Tejral 1995: Abb. 5:1), бюст свева из Бригетцио на Среднем Дунае (Bona 1963: Abb. 6). Или же они, подобно готам, телохранителям императора Феодосия, носили «пажескую» прическу с низкой челкой на лоб и тщательно расчесанными волосами по плечи, как это можно видеть на знаменитом серебряном блюде из Мадрида. Очевидно, однако, что, как и у прочих германцев, у черняховцев было особое отношение к волосам и прическе, один из элементов не столько материальной, сколько духовной, этнически значимой культуры. Иначе не изготовлялись бы с таким тщанием столь обыденные вещи, как расчески, не помещали бы их так часто в могилы, и в женские, и в мужские.

Примечательно и распространение роговых однослойных гребешков предшествующего времени, I-II вв. н.э. Они проще и меньше, изготовлены либо из одной пластинки рога, либо из нескольких, соединенных продольными штифтами. Основной ареал их распространения лежит между Эльбой и Западным Бугом, не редкость их находки и в Скандинавии.

Хорошо представлены они и на вельбарском могильнике Брест-Тришин (Кухаренко 1980). В черняховской культуре они — редкость, известны лишь в Лепесовке и в Ружичанке, в погребении 8 (Винокур 1979: Рис.6:5), на памятниках наиболее ранних для черняховской культуры, хотя в последнем случае одночастный трапециевидный гребень попадает по корреляции не в изначальную, а в последующую фазу развития могильника (Бажан, Гей 1992: рис.1; Шаров 1992: Табл.VI, 85).

Это, однако, не меняет основного наблюдения, сделанного Зигридом Томасом: на рубеже раннеримского и позднеримского времени, на рубеже II и III веков, происходит смена одночастных или однослойных гребешков на более сложные в изготовлении, но более удобные в употреблении трехслойные гребни. Это совпадает во времени с процессом формирования черняховской культуры. Естественно, в последней

Рис. 9. Греческая надпись на гончарном сосуде с поселения черняховской культуры у хут. Одая и фрагменты стеклянных кубков оттуда же.

однослойные гребешки встречаются лишь в виде запаздывающего исключения. Кстати, мастерские по изготовлению трехслойных гребней выявлены лишь в области черняховской культуры — в Бырлад-Валя-Сяка в Румынии (Palade 1969; I Goti... 1994, pp.94-96) и в Великой Снитинке на Украине (Магомедов 1992; I Goti... 1994: 88-92). Не исключено, что именно черняховские мастера изобрели под влиянием римских образцов такую конструкцию гребня и распространили ее на остальной германский мир, хотя вопрос еще нуждается в уточнении.

Любопытно, что на поселении киевской культуры Александровка на Черниговщине обнаружены остатки косторезной мастерской, где изготовлялись пластинки из рога лося и благородного оленя — заготовки для трехслойных гребней, но ни одна из них не имеет ни сверленных отверстий для заклепок, ни нарезки зубцов (Терпиловский, Шекун 1996: 25-26, 32-33). Вероятно, эти более сложные в техническом отношении операции осуществлялись уже более квалифицированными черняховскими мастерами, которым жители Александровки поставляли полуфабрикаты. Любопытный пример производственной кооперации.

Еще одним показателем высокой степени «цивилизованности», относительной благополучности и даже богатства черняховского населения являются частые находки разнообразных стеклянных кубков, которые в римское время ценились варварами чуть ли не на вес золота. Не случайно в случае их ремонта использовали именно золотые пластинки (Straume 1977). А в черняховской культуре еще к 1987 году было известно 175 сосудов со 166 памятников (Лих-

тер 1987). Сейчас число их значительно возросло. Обломки стекла встречаются практически почти на каждом черняховском поселении (Рис. 9: 2-3).

Сосуды разнообразны — есть и чашечки с рельефными ребрышками в нижней части тулова или более поздние — с каплями синего стекла, и высокие конические кубки на небольшой ножке, украшенные овалами из накладных нитей, иногда с заздравными греческими надписями вроде: «пей, живи и радуйся». Но больше всего кубков конических, украшенных или шлифованными овалами, или сплошь покрывающими поверхность восьмигранными фасетками. Нередки и высокие конические гладкие кубки. У всех этих сосудов нет ножки, и стоять они могли только в опрокинутом виде. У варваров, очевидно, было принято пить до дна. А некоторые из кубков весьма вместительны.

Кубки-чашечки иногда имитировались и в глине. Они тоже тщательной выработки и богато орнаментированы. Это еще один специфический элемент черняховской культуры. Кстати, привычку имитировать стеклянные стаканообразные сосуды имели и носители вельбаркско-цецельской культуры.

Такие найдены, например, в Дытыничках (Смішко, Свешніков 1961) и в Брест-Тришине (Кухаренко 1980: табл. XXI, 33). Их стеклянные оригиналы, произведенные, скорее всего, в Кельнских мастерских, хорошо представлены на могильнике Полвиттен в северо-восточной Польше (Eggers 1966). Образцы таких глиняных имитаций мне доводилось видеть и в Дании, в Орхусской коллекции материалов из могильника Слюссельгард на острове Борнхольм. К со-

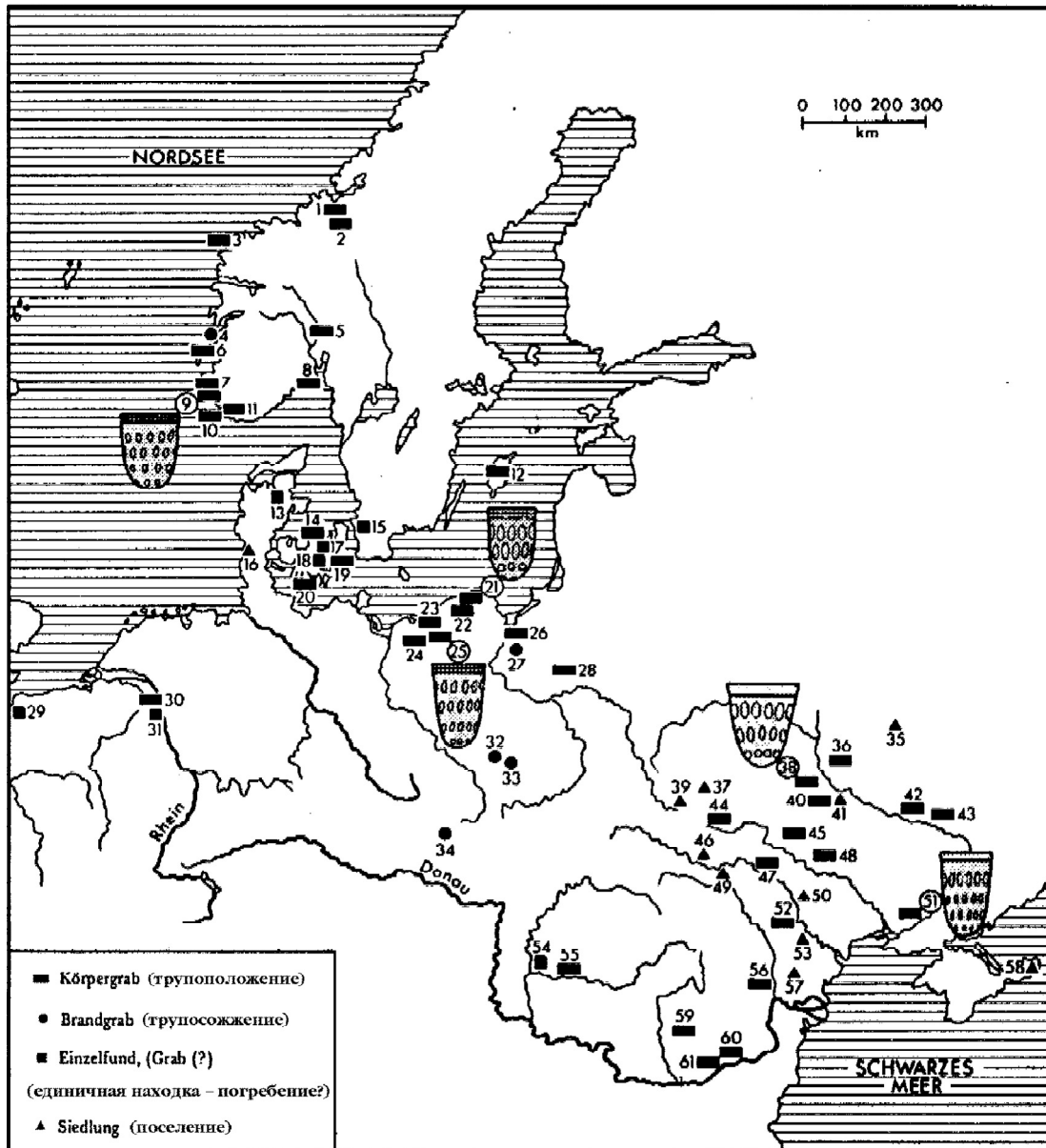

Рис. 10. Распространение кубков с шлифованными овалами типа Ковалк по Г. Рау и И. Вернеру.

жалению, они не попали в известную публикацию этого могильника Клиндтом-Ессеном (Klindt-Jessen 1978).

Кубки с шлифованными овалами, близкие форме 230 по классификации Эггерса, вариант Ковалк, и фасетированные конические кубки типа Эггерс 234-237, вариант Хёгем (Eggers 1951), представляют наибольший интерес, поскольку карта их распространения дает весьма любопытную картину (Рис. 10).

Кроме широкого распространения в ареале черняховской культуры, определенная концентрация находок наблюдается в Польском Поморье, в Дании и в Норвегии. В промежуточных и соседних землях — лишь единичные находки, а в целом их массив вытягивается цепочкой от берегов Северного моря до Черноморского побережья.

Самые ранние кубки типа Ковалк, еще сравнительно тонкостенные, с шлифованными овалами, появляются еще в конце III века, о чем свидетельствует, например, находка фрагментов такого сосуда в погребении 1 раскопок 1926 года в Лёйне (Schulz 1953: Abb.27; Шаров 1992: 175) конца III в., затем они становятся толстостенными, фасетированными и в разных вариациях существуют на протяжении всего IV века (Rau 1972; 1975; Straume 1987; Näsman 1984).

Впрочем, и толстостенные сосуды, возможно, появились сравнительно рано. Два из них — чашечковидный, Эггерс 231, из толстого стекла пурпурного цвета, с шлифованными овалами, и светло-зеленый стаканообразный с фасетками, сочетались с золотой монетой-подвеской императора Проба (276-282 гг.) в погребении Варпелев в Дании (Engelhardt 1877; Rau

1975).

Относительно датировки этого комплекса, типологии кубков и их более детальной датировки существует дискуссия, но мы не будем сейчас вникать в ее детали. В общем и целом расхождения не столь уж существенны.

Важно другое — распространение стеклянных сосудов с неизбежностью свидетельствует о существовании неких постоянных контактов между побережьем Северного моря и Причерноморским регионом через Балтику и Польское Поморье на протяжении конца III и в течение IV века.

Особо встает вопрос о происхождении этих стекол, и здесь возможны две версии: или они производились мастерами Нижнего Порейнья, где такие сосуды действительно известны, а затем через Норвегию и Данию распространялись по указанной диагонали Балтика-Черноморье, либо они происходят из Восточных провинций Империи, в частности из Сирии и Египта, древних центров стеклоделия (Ekholm 1963). Но ни та, ни другая версия не может быть доказана с достаточной очевидностью.

Тогда возникают два варианта третьей версии. Эльдрид Штрауме предполагает, что эти специфические стекла, а они вне пределов названной диагонали действительно редки, производились местными мастерами Норвегии (Straume 1987), а Гюнтер Рау думает, что основным местом их производства был Прикарпатский регион, в частности, область черняховской культуры, где имеется достаточное количество дубовых и грабовых лесов, дающих сырье для высокотемпературного древесного угля, необходимого для варки стекла (Rau 1975).

Но этим предположениям возражают специалисты-стекольщики: рецептура и технология варки стекла слишком сложна, чтобы ее можно было освоить в новых районах, лишенных древних традиций, найти заново все необходимые составляющие, необходимое сырье. Варвары этих традиций и знаний были лишены.

Остается предположить, что стекла, распространенные вдоль названной диагонали, а перевозить готовые стеклянные сосуды на дальние расстояния вряд ли возможно из-за хрупкости, были изготовлены артелями бродячих мастеров, знавших древние традиции, выходцев из античного мира. Не суть важно, были ли они выходцами из Восточных провинций Империи или из Порейнья, тем более, что последние, поселившиеся в Порейнье, тоже были выходцами с Востока (Fremersdorf 1965-1966). В пределах Империи такие передвижения мастеров, из Сирии на Рейн, были вполне возможны.

Так или иначе, эти подвижные артели мастеров, переходивших от одного поселка к другому, от двора одного из варварских вождей к другому, могли бы налаживать заново производство стеклянных сосудов, соблюдая те формы, которые стали излюбленными и модными в сре-

де их потребителей.

Вряд ли в каждом новом месте мастера могли с легкостью обнаружить все необходимые компоненты для рецептуры стекла, но если они привозили с собой фритту, стеклянный бой или специальные заготовки уже сваренного стекла, и имели возможность, благодаря постоянным контактам с исходным регионом, обновлять эти запасы, то разогреть готовое стекло и произвести новые изделия уже не составляло особых трудностей. Необходимое оборудование и материалы можно было добыть и на месте — построить соответствующие печи, обжечь древесный уголь для них, сделать шлифовальный станок и прочее. При наличии определенной квалификации все это вполне доступно.

В ареале черняховской культуры остатки стеклодельной мастерской открыты лишь однажды у с. Комаров в Верхнем Поднестровье (Смішко 1964), но производилось там стекло гутное, тонкостенное, светлое, аналогичное римскому, и работала мастерская еще в III веке (Щапова 1978), где-то на начальных стадиях черняховской культуры. Мастерские, выпускавшие зеленоватое, толстостенное, шлифованное стекло, пока не известны ни в области черняховской культуры, ни в остальном Европейском Барбарикуме. Впрочем, если наше предположение о бродячих мастерах верно, то и отыскать остатки их кратковременных мастерских будет сложно. Впрочем, в одной из хозяйственных построек Лепесовки следы работы со стеклом выявлены.

В связи со сказанным определенным интерес могут представлять хранящиеся в Эрмитаже материалы из раскопок С.С. Гамченко в 1913 году в Подольской губернии (Колл. № 2018) — несколько типичных гончарных черняховских сосудов, большой толстостенный конический кубок светлого стекла и массивный стеклянный шар темнозеленого цвета диаметром 7,5 см. Не в таком ли виде привозилась фритта для производства толстостенных сосудов? К сожалению, аналогии этому изделию нам не известны, документация же об условиях находок тоже не сохранилась.

Ярким свидетельством северо-западных связей черняховского населения и, очевидно, того же происхождения части носителей этой культуры являются длинные наземные дома, где зачастую под одной крышей располагается и жилое помещение, и хлев или мастерская. Выразительная серия таких построек была открыта при раскопках поселения в Лепесовке. Некоторые из них погибли в сильном пожаре, но именно это обстоятельство позволило проследить целый ряд деталей конструкции и внутреннего убранства — деревянные перегородки стоек и сноп соломы в хлеву, остатки ткацких станков в жилой части и др. (Тиханова 1963; 1964; 1970; 1973; Tikhanova et al. In Druck). Известны длинные двухчастные дома и в других

местах — в Молдавии, на Южном Буге, в Поднепровье (Рикман 1962; 1975; Магомедов 1989; Журко 1983). К 1983 году такие постройки были зафиксированы на 84 поселениях, в 20 случаях была выявлена их двухчастность (Журко 1983).

Как уже было неоднократно отмечено, такие постройки не имеют местных корней в Причерноморье, их не строили здесь ни в одну из предыдущих эпох, но зато подобные, так называемые *Wohnstallhäuser*, хорошо известны на севере Европы, причем в сравнительно узком регионе: в основном это Ютландия и южное побережье Северного моря, несколько меньше их в Швеции и на севере междуречья Эльбы и Одера. Имеются некоторые подобные постройки и в области вельбаркской культуры, хотя вельбаркские поселения вообще пока исследовались мало (Тиханова 1963: 182; Тиханова 1970: 90-92; Щукин 1977: рис.3; Giffen 1958; Hatt 1953; Hvass 1985; Martens 1989; Germanen...1976: 309-317; Zippelius 1953; Bender, Barankiewicz 1962; Skworon 1972). И на севере Европы традиция таких построек прослеживается от эпохи бронзы до викингов.

Естественно, имеются вариации в размерах и конструкции жилищ. Черняховские, как правило, не превышают в длину 20 метров, а в Ютландии не редкость и более длинные — до 50-60 метров. Большая часть черняховских длинных домов имеет глиняно-плетневую конструкцию стен. Остатки таких домов, если они сгорели, выявляются в виде развалов глиняной обмазки, а на севере Европы, особенно в Ютландии, наряду с таким же глиняно-плетневым устройством стен, чаще применялась конструкция из трех или четырех рядов мощных столбов, несущих крышу, а сами стены складывались, по всей вероятности, просто из вырезанных из дерна блоков. Известны и этнографические параллели таким постройкам.

Однако и в черняховской культуре подобные двух- или трехнефные сооружения тоже встречаются: в Будештах и в Собаре в Молдавии, в Шершнях и Курниках на Южном Буге (Магомедов 1989). Если такой длинный столбовой дом не сгорел в сильном пожаре, а был просто заброшен обитателями, то археологам достаются лишь ряды столбовых ям, что и наблюдается часто в Ютландии. Но и на черняховском поселении Одая нам удалось зафиксировать аналогичный случай: два ряда мощных столбов, державших, вероятно, балки перекрытия, снаружи сопровождалась двумя рядами менее крупных, подпиравших концы ската крыши, стены же были, по всей вероятности, дерновыми. Не исключено, что таких построек в черняховской культуре могло бы быть и больше, но из-за специфики украинских и молдавских почв ямки от столбов обычно прослеживаются не очень отчетливо, требуются специальные усилия по их выявлению. Иногда раскопщики могли их и пропустить или не заметить системности их распо-

ложения.

На островах Борнхольм и Готланд в конструкции стен длинных домов использовались иногда и камни. Каменные же конструкции в основании стен известны, как уже говорилось, на памятниках южного, киселовского варианта черняховской культуры, хотя планировка жилищ тут несколько иная и исследователи усматривают здесь или наследие жителей хоры античных городов, или традиции домостроительства поздних скифов нижнего течения Днепра (Гудкова 1967; Магомедов 1987).

К сожалению, до сих пор никто не проводил детального сравнения домостроительства Ютландии, Нидерландов, Северной Германии и областей вельбаркской и черняховской культур в общем контексте, а это могло бы принести любопытные наблюдения. Однако детали здесь не столь уж важны, существенно, что идея совмещения под одной крышей жилого помещения и хлева имеет долгую традицию на севере Европы и она полностью отсутствует в предчерняховское время в Причерноморье. Без каких-либо контактов носителей черняховской культуры с Северной Европой появление такой конструкции жилища вряд ли было возможным.

Кроме длинных домов, в черняховской культуре имеются и небольшие жилища-полуземлянки, каковые не проливают света на проблему происхождения культуры, поскольку аналогичные можно найти и во всех предшествующих культурах, и у ближайших соседей — в зарубинецкой и липицкой культурах, у пшеворцев, у жителей Словакии, Чехии, Южной и Центральной Германии. Это явление общеевропейское. К 1983 году полуземляночные жилища были выявлены на 72 черняховских памятниках. Вспомним, что длинные дома были зафиксированы на 84 поселениях (Журко 1983: 7-13).

Иохим Вернер (1988) обратил внимание еще на один случай, демонстрирующий Балто-Черноморские контакты, вероятно через носителей черняховской культуры, а именно на удивительное совпадение стиля и сюжетов изображений на трехрогих золотых лунницах из клада в Брангструпе на острове Фюн в Дании с монетами от Деция (249-251 гг.) до Диоклетиана (284-305 гг.) и из района Сквир в Среднем Поднепровье (Фундуклей 1848), восходящих, в конечном итоге, к античным прототипам. Один из сюжетов — фигура человека между двумя львами — мог бы рассматриваться как весьма популярный в раннем христианстве мотив мучений пророка Даниила во рву львином (Werner 1988: Abb. 19,1), хотя прочие изображения носят вполне языческий характер.

Весьма примечательна и еще более противоречива история происхождения такого специфического элемента черняховской культуры, как железные подвески в виде миниатюрных ведерок, благо на этот счет есть специальное исследование (Бажан, Каргопольцев 1989).

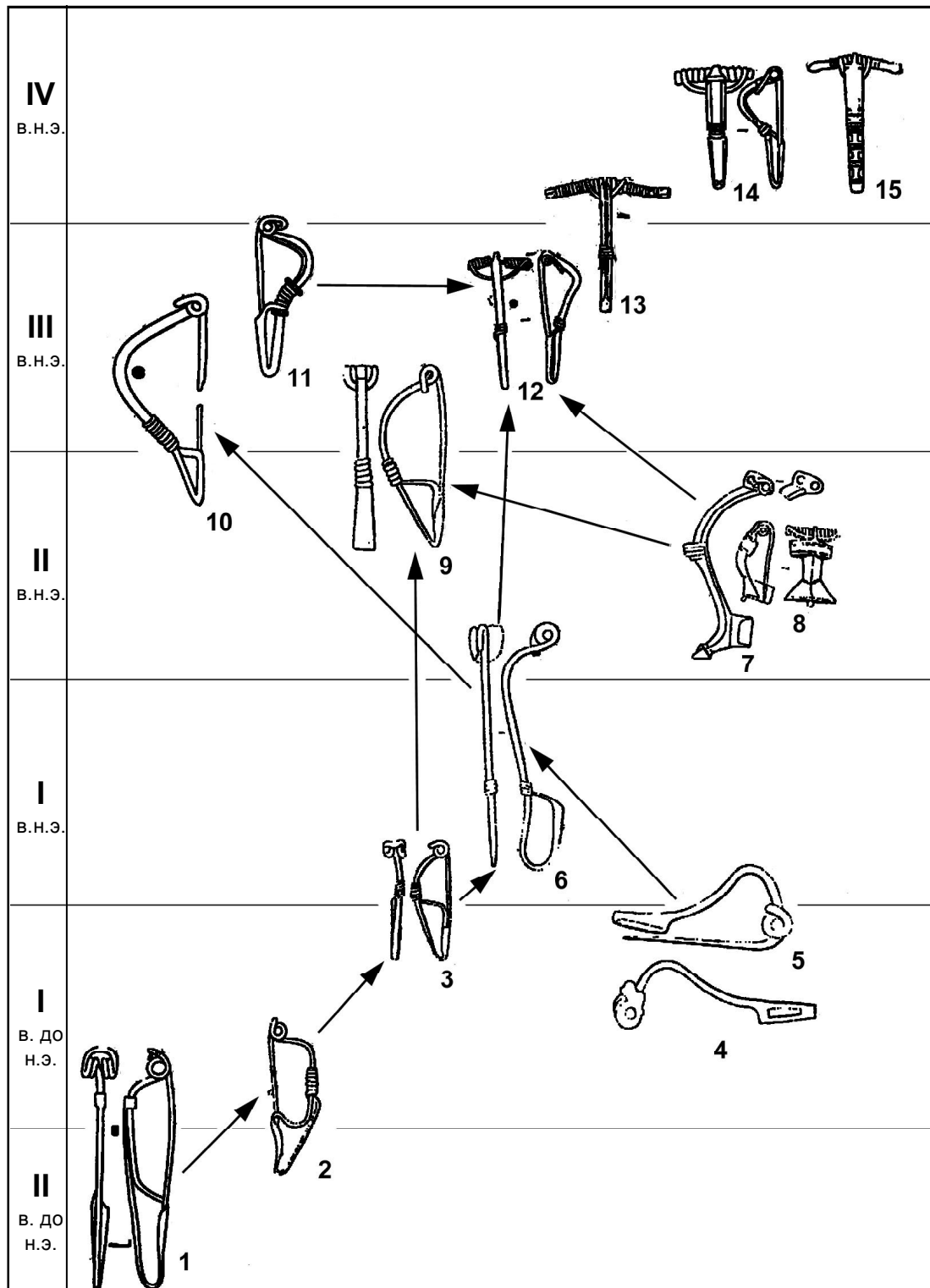

Рис. 11. Схема эволюции "подвязных" фибул I в. до н.э. — III в.н.э. по данным О. Альмерена, А.К.Амброза и др.

Иногда эти украшения находят в могилах поодиночке, иногда — в составе ожерелий. Предполагается, что внутри этих емкостей находились некие ароматические вещества.

В результате исследования выяснилось, что древнейшие находки такого рода известны еще во II-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье.

Идея их восходит к античным трубочкам-подвескам, содержащим или ароматические вещества, или кусочки папируса с записанными на них заклинаниями-абракадабрами. Самые ранние золотые подвески-ведерки происходят из Танаиса и из Окницы в Румынии, железная же подвеска-ведерко — из одного из погребений

могильника Долиняны бастарнской культуры Поянешты-Лукашевка.

В I в. н.э. число таких украшений значительно возрастает. Они известны в некрополях Ольвии, Херсонеса и других античных городов, но еще чаще они происходят из сарматских и скифских захоронений Причерноморья. Железных среди них немного, чаще бронзовые, изредка золотые, некоторые — в виде спаренных вешек. Одновременно подвески-ведерки попадают и к носителям пшеворской культуры. Судя по находке в погребении 486 могильника Задовице совместно с фибулой Альмгрен 68, это могло произойти в сороковые-семидесятые года н.э. Пшеворцы, в отличие от сарматов, делали подвески из железа.

Несколько позже, во II веке, и, главным образом, во второй его половине, такие украшения распространяются еще шире в Центральной Европе. Они появляются у германцев, живущих между низовьями Одера и верховьями Эльбы, в Венгрии, в Карпатском бассейне — у Дунайских сарматов, у карпов, носителей культуры Поянешты-Вуртешкой. Последние, наряду с обычными железными, часто носили и серебряные, специфические для этой культуры, украшенные зернью и филигранью (Bichir 1976: plate CLXIV, 7-10; CLXXVIII, CLXXYV, CLXXIX). Впрочем, начиная со ступени В-2/С-1, а главным образом на ступенях С-1 и С-2, и носители пшеворской культуры начинают употреблять филигранные золотые подвески-ведерки. Ни железные, ни золотые подвески этого рода почти не встречаются в области вельбаркской культуры.

А тем временем, в течение II — начала III в. н.э., подвески-ведерки полностью выходят из моды как в сармато-скифской среде, так и у греков Северного Причерноморья. Ни одной находки этого времени здесь не известно.

Затем, в связи с процессом формирования черняховской культуры, многочисленные железные ведерки и изредка золотые филигранные вновь появляются в Причерноморье, на этот раз в виде северо-западного культурного импульса. Они становятся характерным признаком черняховской культуры, хотя продолжают употребляться и по всей диагонали Балтика — Черное море, на юге попадают и в Крым (Кропоткин 1978: 156-157), и даже на Кавказское побережье, в Цебельдинскую долину (Воронов, Юшин 1979: 191-192, рис. 7:9). В Западной и Центральной Европе они продолжают встречаться и в эпоху Великого переселения народов.

Аналогичную картину рисует также более тщательное и детальное исследование подвесок-ведерок, предпринятое недавно Инес Байлке-Фойгт (Beilke-Voigt 1998: 51-88), которой, к сожалению, параллельно и независимо сделанная работа Бажана-Каргопольцева по ряду обстоятельств осталась неизвестной.

Любопытно, что приблизительно такую же

линию эволюции дают и так называемые «фибулы с подвязной ножкой», что было отмечено еще Оскаром Альмгреном (Almgren 1897; 1923). В несколько модернизированном виде, не излагая всю историографию вопроса — а дискуссия была длительной и пересказ ее перипетий занял бы слишком много места (см. Амброс 1966: 12-14; 19-25; 46-67), — но с учетом и многочисленных последующих работ, схематически и упрощенно эту линию можно представить следующим образом.

Во II-I вв до н.э. повсеместно в Европейском Барбарикуме изготавливались по кельтским образцам среднелатенские проволочные фибулы с ножкой, прикрепленной сверху к спинке. Есть они и у бастарнов, носителей поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур, обитателей лесостепной части восточной Европы. От последних или в результате контактов непосредственно с кельтами попадали такие застёжки к сарматам степей, к скифам Нижнего Поднепровья и Крыма, иногда и в античные города. Здесь, а может быть, и не без влияния кельтов-галатов Малой Азии, был выработан специфический «неапольский вариант» среднелатенских фибул с ножкой, прикрепленной к спинке не скрепой, а многорядовой спиральной обвязкой проволочного конца ножки вокруг спинки (Рис. 11-12).

Причерноморские мастера, пытаясь воспроизвести эту схему, конструкцию упростили и вместо того, чтобы загнать конец ножки вверх, стали прикреплять его к спинке снизу, используя тот же прием обмотки, как в неапольском варианте. Появились так называемые лучковые фибулы, специфический элемент культур Причерноморья. Случилось это где-то около рубежа эр.

Но к тому времени уже изменилась мода в кругу латенизированных культур Европейского Барбарикума — среднелатенские фибулы были постепенно вытеснены во второй половине I в. до н.э. позднелатенскими без какой-либо подвязки, но с сильно прогнутой спинкой (Рис. 11). Они тоже широко распространены по всему Барбарикуму, но хорошо представлены и на позднем этапе зарубинецкой культуры.

К моменту распада зарубинецкой культуры около середины I в. н.э. носителям постзарубинецких групп были известны и сарматские лучковые подвязные, и прогнутые позднелатенские фибулы. Сочетанием их элементов и была создана не очень многочисленная, так называемая «Верхнеднепровская серия» фибул (Рис. 11:6). Распространяясь через лесную зону Восточной Европы, где таковые действительно известны, идея прогнуто-подвязной конструкции, по мнению А.К.Амброза, достигла Прибалтики и Северной Европы, где и была разработана специфическая и многообразная серия подвязных фибул.

Существует и другая версия происхождения северо-европейских подвязных фибул — через

контакты сарматов, появившихся на территории нынешней Венгрии, с германцами (Kolník 1965), через одночастные фибулы достаточно многочисленной, так называемой, «среднеевропейской серии» (Амброз 1966: 58-64). Обе версии по степени доказательности пока равнозначны.

Но североευропейские подвязные фибулы имеют еще один специфический элемент — двухчастность конструкции. В отличие от вышеупомянутых, сделанных из одного куска проволоки или из заранее рассчитанной одной заготовки, игла и пружинный аппарат североευропейских изготовлены отдельно и соединены с корпусом застежки или через специальную петлю на головке фибулы, или через пластинку с отверстием. Такая «арбалетная» конструкция фибул с подвязной ножкой появилась не ранее конца II века и, по всей вероятности, была воспринята от мастеров, изготовлявших разнообразнейшие литые фибулы раннеримского времени (Рис. 11:7-8), для которых отдельное изготовление литого корпуса и проволочного пружинного аппарата вполне естественно. Впрочем, сама идея такого устройства родилась, вероятно, из знакомства и комбинации конструкций римских шарнирных фибул и кельтских пружинных, что случилось еще около рубежа нашей эры. Где произошло слияние арбалетной конструкции с прогнутой спинкой и подвязкой ножки, сказать трудно. Это с равным основанием могло иметь место и в Среднем Подунавье, и в Прибалтике.

Фибулы с подвязной ножкой и с «арбалетным» устройством пружинного аппарата в разнообразных вариантах получили широкое распространение по всей Европе, а в черняховскую культуру и в Причерноморье были привнесены, возможно, со второй Дытыничской волной вельбаркского проникновения. Идея подвязной ножки вернулась как бы к своим истокам. Черняховские мастера создали и некоторые

специфические варианты таких фибул.

Продолжавшие бытовать в Причерноморье лучковые фибулы с середины III века тоже стали двухчастными, но в черняховской культуре их практически нет (Амброз 1966: 52-54).

Можно было бы рассмотреть таким же образом и другие категории вещей черняховской культуры — разнообразные пряжки, поясные и обувные, прочие варианты фибул, украшений и т.д. И это еще предстоит проделать в другом месте, но вряд ли при этом обнаружится что-либо принципиально новое, будет еще раз продемонстрирован широкий спектр связей, многообразие составляющих компонентов.

Останется, однако, необъяснимым сам феномен черняховского культурного образования. Откуда очевидное благополучие и многочисленность этого населения? Откуда высокая степень цивилизованности и владение «высокими технологиями» своего времени — грамотность, гончарное производство, жернова, изготовление стекла, гребней и прочее? По всем этим показателям черняховцы заметно превосходят всех прочих варваров Европы. Откуда, наконец, эта удивительная монолитность культуры на столь обширных пространствах? Чем она была обеспечена? Ведь во всей Европе мы подобного не наблюдаем, там мозаика культурных групп значительно более пестрая. А в Причерноморье мы не знаем подобного ни в предшествующие, ни в последующие эпохи, только в черняховской культуре.

Поскольку истоки черняховской «цивизованности» явно тяготеют к античному, а точнее сказать, к провинциально-римскому миру, необходимо выяснить, что же в этом мире происходило в период расцвета черняховской культуры? Однако прежде стоит рассказать (в двух словах и не вникая в подробности) об истории исследования и о дебатах по поводу этнической принадлежности культуры.

2. Готы или анты? Из истории дискуссии

Пожалуй, ни одна археологическая культура не вызывала столько споров в советской археологии и столь острых, сколько возбудила черняховская. Начались они, впрочем, еще раньше (Šćukin 1975).

В 1999 году можно было бы отметить 100-летний юбилей начала раскопок преподавателем одной из киевских гимназий и любителем археологии Викентием Хвойкой могильников у сел Черняхово и Зарубинцы. В.В. Хвойко был убежденным автохтонистом, и у него не было сомнений, что все раскапываемые им памятники, и упомянутые, и предшествующие по времени скифские городища, и поселения энеолитической трипольской культуры IV-III тысячелетий до н.э., и, наверное, даже палеолитическая Кирилловская стоянка в Киеве оставлены древними славянами или их предками. Кто же еще

мог жить в древности на Киевщине, на исконных славянских землях?!

Несколько лет спустя слухи и первопубликация (Хвойко 1901) достигли Западной Европы, и первым отреагировал на них создатель общеевропейской хронологической системы Пауль Райнеке, написав небольшую заметку «Из русской археологической литературы» (Reinecke 1906). Он сразу же подметил удивительное сходство облика вновь открытых памятников с археологическими материалами Центральной и Западной Европы, соответствие их на могильнике Зарубинцы позднелатенскому периоду, а в Черняхове — позднеимператорскому римскому времени. В отношении последнего он подметил в общей форме и хронологическое соответствие существования могильника с известиями древних авторов о пребывании в

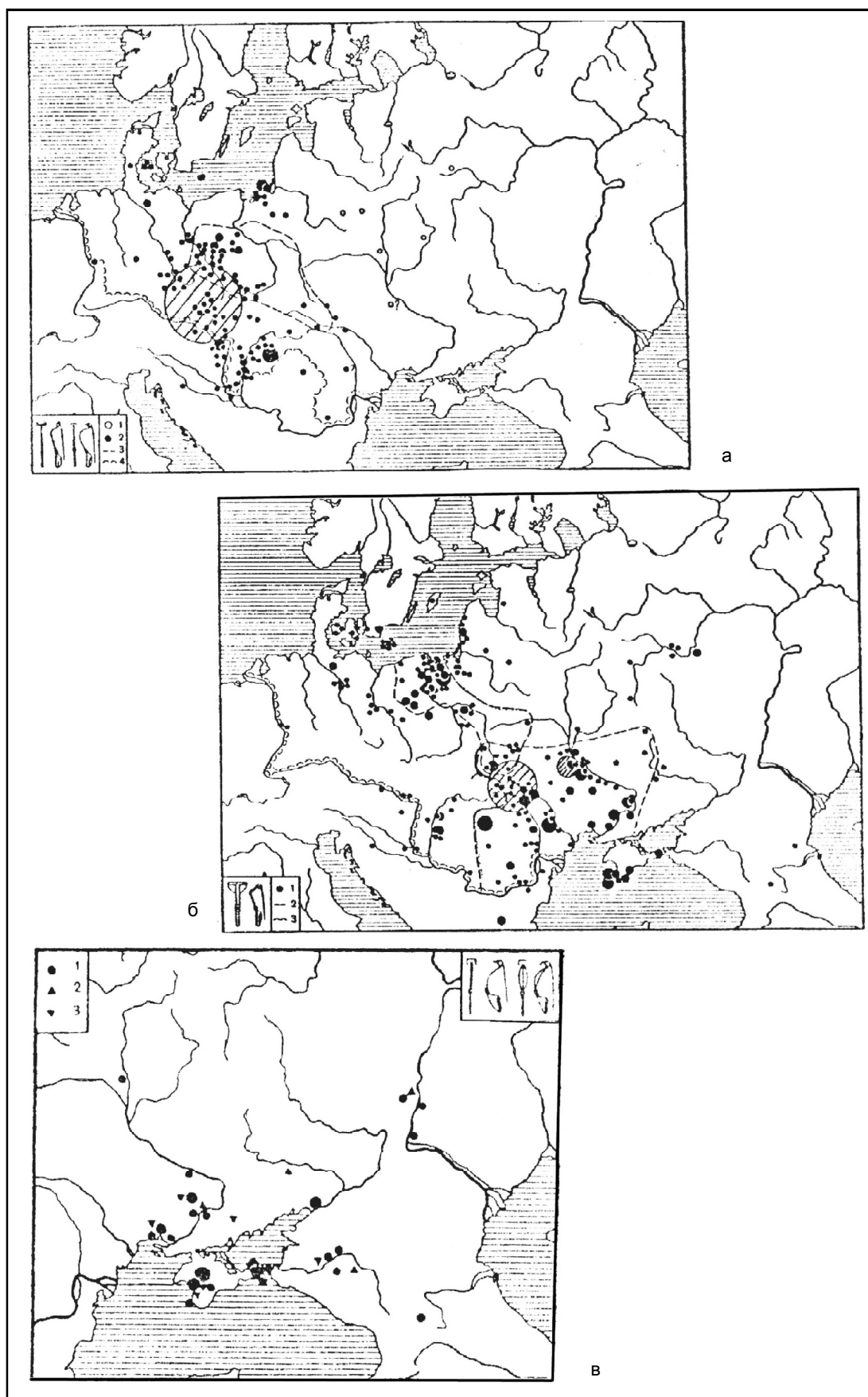

Рис. 12. Картографические схемы распространения "подвязных" фибул разной конструкции (по А.К.Амброзу).

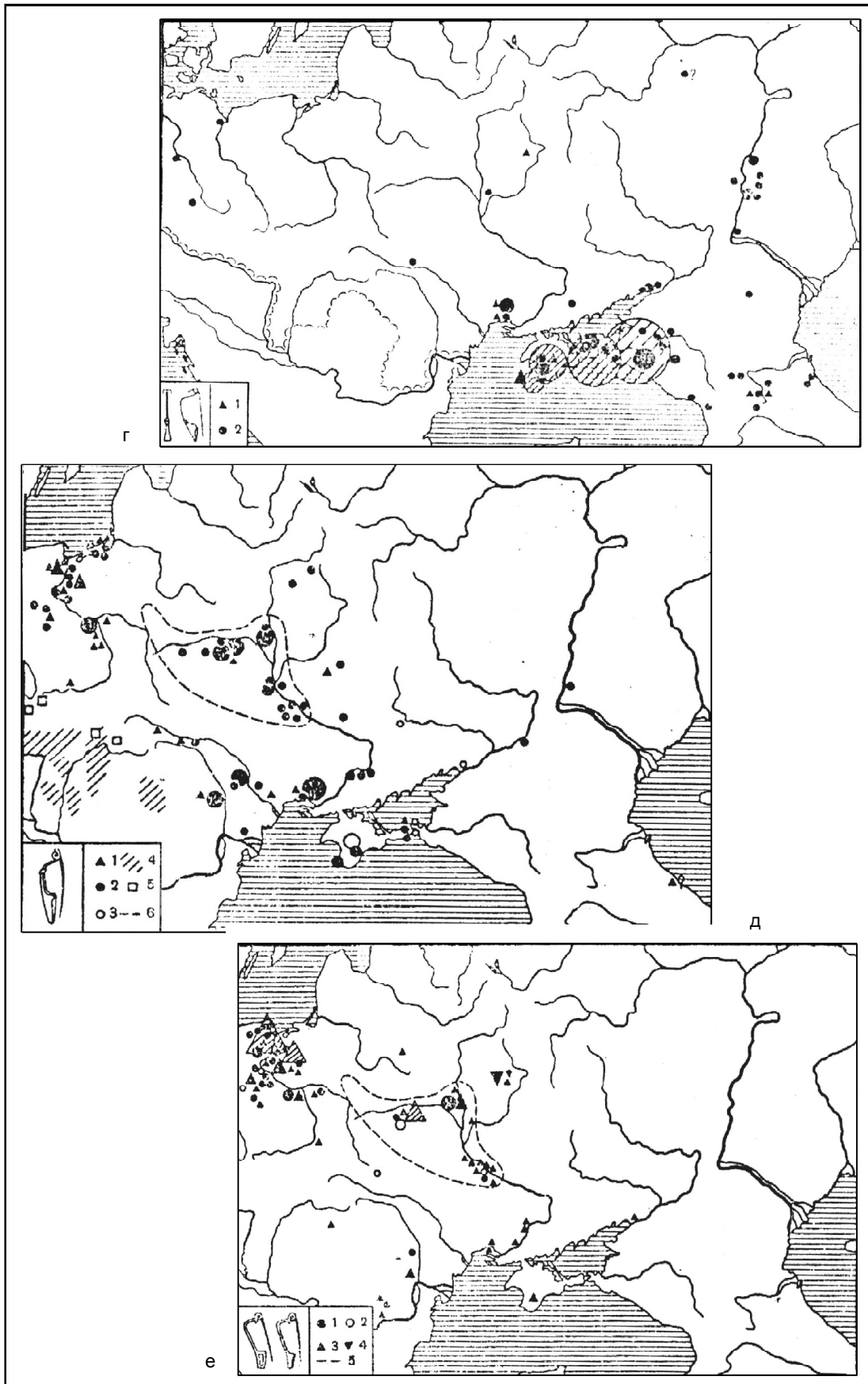

Рис. 12 (продолжение).

Причерноморье готов. Касались этой темы и некоторые другие исследователи, естественно, тоже в общей форме, без специальных разработок (Blume 1912; Brenner 1915; Taskenberg 1930), хотя Макс Эберт даже специально приезжал в Россию и проводил раскопки могильников в Нижнем Поднепровье, в том числе и одного черняховского (Ebert 1913).

Затем последовали Первая Мировая война, революция и Гражданская война в России и ряд пертурбаций в Европе. Никому не было особого дела до каких-то там древностей и их интерпретации, хотя материалы, несмотря на происходящее, продолжали понемногу накапливаться. К 30-м годам в сознании научной и околонучной общественности сами по себе постепенно сложились устойчивые стереотипы: на Западе — о принадлежности памятников украинских «полей погребений» германцам, в частности готам, а в СССР — славянам. Подсознательно эти стереотипы продолжают сказываться иногда в разной форме и сегодня.

В предвоенные годы вопрос приобрел и политическую окраску. Пропаганда Третьего Рейха использовала сложившийся стереотип для обоснования территориальных притязаний, в статьях популярных и полупопулярных изданий появлялась соответствующая этой пропаганде фразеология о «grosskräftige Lebendigkeit» и «schöpferische Genie» германцев, носителей черняховской культуры (Müller-Qualles 1940: 1183). Коммунистическая пропаганда и советские исследователи отвечали резкой критикой на любые «измышления буржуазных ученых». И на той, и на другой стороне для людей, пытавшихся избежать соответствующих идеологических установок и фразеологии, это могло кончиться печально — замалчиванием работ, концлагерем, расстрелом. Мы не будем сейчас приводить конкретные примеры, это особая тема.

В СССР ситуация сохранялась и в первые послевоенные годы. На волне общей послевоенной антифашистской, антигерманской настроенности и при сохранявшемся сталинском режиме заявить о самой возможности присутствия некогда каких-то германцев на территории Украины было бы безумием, кончающемся в лучшем случае ostrакизмом со стороны коллег, в худшем — более печальными последствиями. Если у кого-то и были сомнения, их в себе следовало подавить. Безумцев среди исследователей черняховской культуры не оказалось, и думается, большинство авторов, писавших тогда о славянской принадлежности черняховской культуры, были вполне искренни, работало подсознание и выработавшийся за многие годы инстинкт самосохранения (Тиханова 1941: 252, 259; Рыбаков 1948: 41-46; Артамонов 1950: 20-21; Третьяков 1953: 111, 116, 159).

Существенную моральную поддержку своих позиций археологи находили в ставшем почти официальным учении Н.Я.Марра о языке (Ал-

патов 1991). Согласно одному из тезисов этого учения, произведшего, благодаря многосторонней талантливости личности ее создателя, большое впечатление на научную общественность, языки и народы легко трансформировались один в другой посредством «социальных взрывов». Скифы становились готами, готы — славянами. Особых исторических и археологических доказательств не требовалось, они лежали в сфере языкознания, где авторитет Н.Я.Марра был непререкаем, тем более что его «новое учение о языке» было оформлено марксистской фразеологией.

Далеко не все лингвисты были полностью согласны с Н.Я.Марром, как и не все биологи были согласны с учением И.Т.Лысенко, но соглашаться приходилось, иначе ждала печальная участь, многие ее и испытали, хотя было и достаточное количество более или менее искренне увлеченных. Такова была атмосфера эпохи.

В языкознании, однако, дело обернулось иначе, чем в биологии, где гонения на генетиков были более жесткими и прямолинейными. «Вождь народов» не терпел других «авторитетов», кроме своего собственного, а он вникал во все дела, от литературы, музыки и кинематографа до языкознания. Сказывались, впрочем, и сугубо житейские обстоятельства, далекие от науки, общее грузинское происхождение И.В.Сталина и Н.Я.Марра. У них были и общие знакомые, грузинские языковеды, научные оппоненты Н.Я.Марра. Вероятно, не без их подачи «вождь» вмешался в дискуссию о языке на страницах журнала «Вопросы языкознания», проявляя достаточную осведомленность в лингвистике. Затем статья была, естественно, перепечатана многими изданиями, включая центральную газету «Правда», оперативно была опубликована и отдельной брошюрой в 1950 г. «Марксизм и вопросы языкознания», где учение Марра было подвергнуто резкой критике, прежде всего за «отклонения» от марксизма.

Все это было, конечно, далеко от науки, лежало в области «дворцовых» интриг и марксистской схоластики, но многим пришлось «каяться», некоторые пострадали, а главное, глубокая вера в глубокий автохтонизм славянства на всех территориях нынешнего обитания славянских народов лишилась своей методической базы в виде учения Марра. «Дракон» нечаянно откусил свой собственный хвост. Теперь историкам и археологам предстояло доказывать тезис о глубоком автохтонизме своими силами, опираясь на свои источники. Вера верой, но нужна и аргументация. Сам создатель «нового учения о языке», к его счастью, не дожил до массивного антимарристского движения.

Перед археологами возникла задача не из легких. Дело в том, что в это время были известны две археологические культуры, в славянской принадлежности которых не возникало осо-

бых сомнений — роменско-борщевская на Левобережье Днепра и памятники типа Луки-Райковецкой на Правобережье. Они непосредственно предшествовали культуре Киевской Руси и достаточно плавно в нее перерастали. Но обе упомянутые культуры — не ранее VIII в. н.э. Где же были славяне предшествующего времени? Какими археологическими памятниками они представлены?

Из предшествующих ярких явлений была лишь черняховская культура, очень мало похожая на роменско-борщевскую и лука-райковецкую, да и большой хронологический разрыв не очень объединял их. Теория «социальных взрывов» объясняла бы ситуацию, а теперь выхода, казалось бы, не было. Если не признать черняховцев славянами, то где же славяне?

В хронологическом промежутке находились, правда, так называемые «древности антов», серия кладов серебряных, в основном, изделий с пальчатыми фибулами и другими вещами типа найденных в известном Мартыновском кладе (Pečarskaja, Kidd 1994). Территория их распространения достаточно адекватно совпадала с областью расселения славянских племен антов в VI-VII вв., «между Данастром и Данапром» по Иордану (Iord. Gef. 35). Но поселения и могильники этих антов не были известны. Возникла очередная загадка.

Тогда и была предпринята украинскими археологами попытка разрешить загадку путем объединения черняховской культуры и «древностей антов».

По их представлениям, черняховская культура неверно датирована, она продолжала существовать вплоть до VII века, а клады антов являются ее составной частью, некоторые из них найдены на поселениях черняховской культуры. Имеются в ее составе и некоторые вещи с более поздней датой, чем принято считать. Например, амфора с черняховского поселения в Ягнятине, напоминающая раннесредневековые, подвязные фибулы, столь характерные для черняховской культуры, найдены и в составе Фромборкского клада в Прибалтике вместе с монетой Феодосия II (408-450 гг.), позже принятой датировки черняховской культуры, и так далее. А раз «антские клады» относятся к черняховской культуре, то и сама она принадлежит славянским племенам антов (Брайчевский 1952; 1953; 1957; 1957а; Махно 1950; Смішко 1952; 1953).

А тем временем в 1953 году скончался «вождь народов», и общеполитическая и культурная обстановка в СССР начала понемногу меняться. Сомнения, которые, вероятно, и ранее терзали некоторых археологов, теперь проявились наружу. Первым публично заявить о них рискнул М.И.Артамонов в докладе 1956 года на Научной сессии Ленинградского Университета (Артамонов 1956). Он продемонстрировал, что проблема происхождения славян при имеющихся

в наличии материалах еще далека от разрешения, а черняховская культура, совпадающая по времени с периодом пребывания готов в Причерноморье, вряд ли имеет прямое отношение к проблеме славянского этногенеза.

Позиции М.И.Артамонова совпадали и с мнением других ленинградских ученых — М.А.Тихановой, Г.Ф.Корзухиной, И.И.Ляпушкина, что они и выражали и в ряде устных выступлений, и в разных аспектах в своих последующих работах (Тиханова 1957; Корзухина 1955; Ляпушкин 1968). Вероятно, не случайно эта «скептическая школа» сложилась именно в Ленинграде. Со времени своего основания Петром I этот город и культурный центр был теснее связан с Западной Европой, чем какой-либо другой в России. Благодаря накопившемуся богатству библиотек — а библиотека Института истории материальной культуры, по оценке такого специалиста, как Иохим Вернер, одна из лучших в Европе, — ленинградские археологи, несмотря на «железный занавес», были несколько больше знакомы с европейской литературой и европейскими археологическими материалами, чем их московские и киевские коллеги.

Выступление М.И.Артамонова вызвало бурную реакцию, в 1957 году в Киеве состоялось специальное совещание, посвященное проблеме черняховской культуры (Голубева 1957). Тогда-то и развернулись основные дебаты на эту тему. В ходе последовавшей дискуссии в печатных изданиях постепенно выяснилось, что связь «антских кладов» с культурными слоями черняховских поселений, строго подходя к стратиграфии, недоказуема (Березовец 1963), Фромборкский клад представляет собою собрание разновременных вещей, собранных ювелиром в качестве сырья (GodYowski 1972), ягнятинская амфора находит параллели и в материалах III-IV вв. (Щукин 1968) и т.д.

Споры, однако, были жаркими и эмоциональными, доходило до личных выпадов. Продолжались они долго, еще дважды собирались специальные совещания, в 1967 г. во Львове, в 1981 г. в Каменце-Подольском, отголоски этих дискуссий продолжают сказываться и сегодня, иногда даже на личных отношениях, хотя на столь поздней датировке черняховской культуры, кроме М.Ю.Брайчевского (1994), уже никто не настаивает, так же как и на связи ее с антскими кладами.

Дело в том, что в тот самый момент, когда начиналась черняховская дискуссия, было сделано открытие, казалось бы, сразу проясняющее ситуацию и сводящее на нет саму необходимость споров. Провинциальный винницкий археолог П.И.Хавлюк раскопал на острове Мытковском на Южном Буге небольшую квадратную полуземлянку (Хавлюк 1960) с обломками вылепленных от руки горшков и нашел здесь же бронзовую пластинку в виде фигурки бегущего льва, выполненную в совершенно том же сти-

ле, что и фигурки лошадок из антского Мартыновского клада (Рекарскаја, Kidd 1994). Облик материальной культуры антов стал известен и имел мало общего с черняховской культурой.

Керамика, обнаруженная П.И.Хавлюком на острове Мытковском и на ряде других раскопанных им памятников (Хавлюк 1963), не была абсолютной новостью для археологов. Она очень напоминала так называемую керамику «пражского типа», известную уже и в Чехии (Borkowski 1940), и в Украинском Полесье из курганов типа Корчак (Гамченко 1896; Кухаренко 1955; 1960), но памятников такого сорта было немного, хронология их была не очень ясна, на них не обращали специального внимания, и они оставались загадочными.

После же открытий П.И.Хавлюка стало ясно, в каких топографических условиях стоит искать подобные поселения. Условия оказались необычными — чаще всего в поймах рек, в низких, затопляемых в половодье местах.

Археологи-слависты обычно в своих разведках такие места миновали, но теперь стали заглядывать и туда. Число памятников стало стремительно расти, и вскоре их на обширных пространствах от Праги и Эльбы до Курска выявилось достаточно много. Стало ясно, что они относятся к VI-VII векам и в общем и целом соответствуют времени и территориям расселения раннеславянских племен склавинов, антов и венетов. Выявились и три сходных археологических культуры — пражско-корчакская, пенковская и колочинская (Березовец 1963а; Петров 1963; Рафалович 1972; Русанова 1973; Zeman 1976; Brachmann 1978; Приходнюк 1980; 1998; Горюнов 1981; Баран 1988; Parczewski 1993).

Вновь открытый цикл раннеславянских культур совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру. Территории их распространения перекрывались лишь частично, здесь была исключительно лепная керамика и почти исключительно горшки, в отличие от прекрасной и разнообразной гончарной посуды черняховцев, не было ни длинных наземных построек, ни обряда трупоположений, ни костяных гребней, ни стекла, железные и бронзовые изделия тоже стали редкостью. Если же носители черняховской культуры и приняли участие в формировании культур раннеславянских, что само по себе не исключено, то придется признать некий резкий регресс их культуры, они вдруг забыли все свои культурные традиции и навыки.

Сторонники славянской принадлежности черняховской культуры в этом случае обычно ссылались на всеобщность упадка культуры в результате распада Римской империи и событий Великого переселения народов. И это, безусловно, имело место, но все же и в пределах Мерovingского государства, и у его соседей полного разрыва традиций не произошло, сохраня-

лось и обилие в захоронениях вещей, в том числе достаточно качественных и высокохудожественных, сохранялось и гончарное производство, есть и стеклянные сосуды. Формы видоизменились, но традиции остались (Schmidt 1961; 1976; Perin, Feffer 1987; Feffer, Perin 1987). И только в областях, заселенных славянами, а они к VII в. достигли Эльбы и Заале, наблюдается удивительное обеднение внешних форм культуры (Godłowski 1979).

Они не стремились как-то украшать и разнообразить бытовую посуду и другие вещи. Соответственно этому менталитету, и отправляя сородичей в потусторонний мир, не считали необходимым снабжать их обилием погребального инвентаря.

Не исключено, конечно, что одежда отличалась прекрасными вышивками, деревянная столовая посуда покрывалась изысканной резьбой, а «в области балета» они вообще были «впереди планеты всей», но для археологов все это не сохраняется, и славянские культуры выглядят на удивление бедными.

Это не означает, что славяне совсем не пользовались богатыми и высококачественными вещами, они были в их распоряжении, но в землю попадали почти исключительно в виде кладов. Просто-напросто славянские культуры отличались и от культур соседей, и от предшественников — черняховцев по самой своей структуре (Godłowski 1979), представляли особый «культурный мир» (Щукин 1994). Если потомки черняховцев и влились в какой-то мере в состав населения культур славянских, не они определяли культурный облик новых образований. Определять его должны были носители каких-то иных традиций и иного менталитета.

Впрочем, понятия «структуры культур» и «культурных миров» возникли позже, в шестидесятых же годах дискуссия продолжалась, и конца ей не было видно. Позиции противников готской принадлежности черняховской культуры были сильно поколеблены открытием могильников Дытыничи в 1957 и Брест-Тришин в 1960 годах. Эти и сходные с ними памятники с достаточной очевидностью маркировали пути продвижения населения Нижнего Повисленья в юго-восточном направлении. Утешало лишь то, что черняховская культура все же не тождественна с этими северо-восточными древностями. Споры продолжались.

Однако спорщики оказывались в положении героев известной восточной притчи: «если это мясо, то где же кошка, если это кошка, то где же мясо?» Если черняховская культура славянская, то где же готы, а если она готская, то где славяне? Славяне II-V веков.

Но и им нашлось место, хотя и не сразу. По южной кромке лесной зоны и в северо-восточном пограничье черняховской культуры были обнаружены так называемые памятники киевского типа (Даниленко 1976) или пост-зарубинец-

кого «горизонта Рахны-Лютееж-Почеп» (Щукин 1986; Щукин 1994: 232-239.) I-II вв., перерастающие после неких «перетасовок населения» (Обломский 1993) в киевскую культуру, синхронную черняховской (Терпиловский, Абашина 1992). Поселения этой культуры располагаются в таких же топографических условиях, что и раннеславянские, здесь тоже решительно преобладают простые лепные горшки, редки металлические находки и т.д. У исследователей нет особых сомнений, что именно обитатели разных групп киевской культуры являются непосредственными предками носителей раннеславянских колочинской и пеньковской культур.

Все эти открытия в какой-то мере притупили остроту бесконечной дискуссии, к восьмидесятым годам свою эмоциональность она утратила. Более или менее все встало на свои места. Можно было приступить уже к более тщательному и внимательному исследованию деталей.

Попытки создания дробной относительной хронологии черняховской культуры (Щукин, Щербакова 1986; Гороховский 1988; Kazanski, Legoix 1988; Бажан, Гей 1992; Гей 1993; Шаров 1992; Бажан, Гей 1997) свидетельствуют, что в изучении её мы выходим на качественно новый уровень (Shchukin 1994).

Противоречия и разногласия, конечно, не исчезли полностью. Это касается как различных деталей, так и общего подхода в целом к историческим, этническим и культурным процессам. Украинским археологам они представляются более спокойными и плавными, а петербургским — более бурными, драматичными и многогранными.

По понятиям украинцев основная масса населения всегда и при всех обстоятельствах оставалась на месте, поэтому если готы и были в Причерноморье, то они представлены лишь памятниками собственно вельбаркской культуры, все же прочее, собственно черняховская культура — результат творчества местного населения. Ушли немногочисленные готы, изменилась историческая обстановка, и те же черняховцы стали славянами.

По понятиям же петербургских коллег, те или другие подвижки больших или меньших групп населения происходят постоянно, круг связей и

контактов достаточно широк, а они осуществляются тоже людьми. Передвижение небольших групп может оказаться недоступным для непосредственного наблюдения или отражаться лишь в распространении тех или иных типов отдельных вещей, результаты скажутся в новых привнесенных элементах культуры. Черняховская культура, как и любая иная археологическая культура, есть результат творчества как местных, так и пришлых элементов. Спорить же о приоритетах того или другого — это все равно, что спорить о преимуществах заднего и переднего колеса у велосипеда.

Разница подходов, таким образом, лежит в неких глубинных психологических установках, причины которых сами могли бы стать предметом изучения, но уже не нашей науки, а социологии, психологии и науковедения. Нам же на сегодняшнем уровне знаний спорить о преимуществах того или иного из названных подходов особого смысла не имеет.

Что касается этнического лица черняховцев, то, вероятно, всех могла бы устроить формулировка П.Н.Третьякова, увидевшего в черняховской культуре «несостоявшуюся народность». Из разнородных элементов при ряде обстоятельств сложилась некая историческая общность и шел процесс постепенного формирования некой новой народности, нового этноса. Нашествие гуннов и последовавшие события эпохи Великого переселения народов этот процесс прервали. Мы не знаем, на каких языках говорили люди, жившие в разных частях черняховского пространства, какой язык служил языком «межнационального общения» — готский, греческий, бастарнский, славянский или какой-то еще. Тем более мы не можем знать, к каким результатам этот процесс мог привести: «народ» не состоялся.

Однако пока у нас остается без ответа и другой вопрос: какие силы обеспечивали культурное единство черняховского населения, чем объяснить его многочисленность и благополучие, его цивилизованность? Мы не будем искать ответ в каких-то исключительных способностях черняховцев, в их «schöpferische Genie», а посмотрим, что происходило по соседству, в Империи.

3. Тетрархи, Констанций, готы и черняховская культура

А в Империи тем временем шли важные пертурбации. Пришедший к власти в 284 г. хозяйственный Диоклетиан понимал, что для больного организма Империи, пережившей тяжелый кризис, необходимо радикальное лечение, необходимы реформы всей структуры, и он попытался провести их.

Девальвировавшаяся во время кризиса денежная система, основанная на серебряных монетах, превратившихся, по сути дела, в медные (настолько было снижено в них содержание се-

ребра), была заменена на систему медно-золотую. Здесь, впрочем, Диоклетиан не слишком преуспел, и завершалась реформа уже при Константине Великом.

Был изменен и порядок сбора налогов, для чего пришлось проделать колоссальную работу по инвентаризации земель, угодий, владений, переписи населения и т.д.

Одним из пороков прежнего государственно-го устройства Диоклетиан справедливо считал чрезмерную централизацию, и Империя вмес-

Таблица 1

Запад	Общие события и даты	Восток
	284 - приход к власти Диоклетиана	
Максимиан - август. Столица - Медиолан. Констанций Хлор - цезарь. Женат на дочери Максимиана. Столица - Трир	293- Основание Тетрархии	Диоклетиан - август. Столица - Никомедия Галерий - цезарь. Столица - Сирмий. Женат на падчерице Диоклетиана
Отречение Максимиана без его желания. Хлор - август, Флавий Сабин - цезарь	305 г .	Добровольное отречение Диоклетиана . Галерий - август, его племянник Максимин Дайя - цезарь.
Смерть Констанция Хлора Флавий Север - август, но Рейнская армия выдвигает в августы Константина , сына Хлора. Становится цезарем. Восстание в Риме. Провозглашают Максенция , сына Максимиана, цезарем. Максимиан возвращается к власти. Становится августом.	306 г	Галерий лишает Рим привилегий. Галерий просит вернуться к власти Диоклетиана, но тот отказывается. Максимин Дайя объявляет себя августом.
Августы: Константин, Север, Максенций и Максимиан . Последнего Диоклетиан уговаривает отказаться от титула. Максенций и Максимин Дайя поддерживают язычников, прочие - христиан.	309 г	Августы: Галерий, Максимин Дайя и назначенный Галерием Лициний .
	311 г. эдикты Галерия, Лициния и Константина о прекращении преследования христиан	Смерть Галерия . Лициний - старший август.
Константин разбивает Максенция на Мульвийском мосту. Смерть Максенция . Победа христиан.	312 г.	
Константин - август	313 г.	Лициний отражает нападение Максимиана Дайи . Смерть последнего.
Лето 313 г. "Медиоланский эдикт" Константина и Лициния , женившегося на сестре Константина.		
314 г. Столкновение Лициния и Константина . Балканы переходят к последнему.		
323 г. Константин отгоняет готов из Фракии, вторгаясь в зону Лициния. Конфликт.		
324 г. Военное столкновение Константина и Лициния . Последний убит. Константин - единовластный правитель. Конец Тетрархии.		

то прежних, исторически сложившихся «императорских» и «сенатских» провинций, была подразделена на 101 «диоцез» и четыре «префектуры».

Огромные пограничные армии из нескольких легионов тоже были разукрупнены за счет создания более мелких, но более мобильных подразделений, причем границы «военных округов» не совпадали с границами гражданских диоцезов. Этими мерами император пытался избежать опасной тенденции выдвижения армиями своих узурпаторов, что удалось, однако, как показали дальнейшие события, далеко не полностью.

Те же цели преследовала и предусматривавшаяся Диоклетианом четырехчленная система управления, разделения и наследования власти — тетрархия. Империя подразделялась на Восточную и Западную, во главе каждой должен был стоять свой «август», один из которых был «старшим».

Августы назначали своих помощников и соправителей — «цезарей», усыновляли их и предоставляли им в управление две из четырех префектур. Через 20 лет августы должны были выходить в отставку, цезари становились августами, назначали себе новых цезарей и т.д.

Задумано было хорошо, но не был учтен человеческий фактор: страсть к власти, амбиции, сложности взаимоотношений. Система не сработала. Уже к 309-310 годам в стране было шесть враждующих августов и ни одного цезаря.

Дабы избежать подробного изложения всех перипетий, что заняло бы слишком много места, все данные сведены в своего рода хронологическую таблицу (Таблица 1).

Ситуация осложнялась и неоднозначным отношением августов и цезарей к христианству, которое к этому времени, несмотря на противоречия и борьбу различных сект и направлений — ортодоксов, ариан, авдусиан, донатистов и пр. — стало, благодаря структурированности организации, заметной политической силой, с ней так или иначе приходилось считаться.

Диоклетиан видел в христианской церкви излишнее «пятое колесо» в задуманной им государственной структуре и устраивал гонения на христиан, хотя его жена и дочь были христианками. Константин же, напротив, довольно удачно использовал христиан и христианскую идеологию сначала в борьбе против Магненция, вспомним знаменитую битву на Мульвийском мосту 312 года, где, согласно легенде, именно подняв христианские знамена, он одержал победу, а затем в борьбе против Лициния. Хотя в 313 году они совместно с Константином подписывали не менее известный «Медиоланский эдикт», отменявший гонения на христиан и признававший равноправие христианства наряду с другими конфессиями. Но не прошло и года, как августы рассорились. Лициний стал поддержи-

вать приверженцев старой римской языческой религии, а Константин остался верен христианам. Глухая вражда двух августов длилась почти десять лет, пока не вылилась в открытое военное столкновение 324 года, при котором Лициний был пленен и убит. При установившемся единовластии Константина христианская религия стала по сути дела государственной.

Не без поддержки Константина, хотя сам он до конца своих дней, кажется, так и не собрался креститься, стали регулярно проводиться Вселенские Соборы христианских епископов, и первый же из них, уже упомянутый 325 года в Никее, осудил ересь арианства, утвердил подвижность Пасхи и пр. Под документами Собора, рядом с подписью Кадма, епископа Боспора, стояла подпись некоего Феофила, епископа Готии. Где располагалось это епископство, не совсем ясно — в Крыму, на Нижнем Дунае или в Причерноморье, в области распространения черняховской культуры, — но сам факт его существования не подлежит сомнению.

К сожалению, мы очень мало знаем из того, что происходило в Барбарикуме Восточной и Центральной Европы в эпоху Тетрархии. По сообщению так называемых «Панегириков Маммертина» (XX *cap.* Lat. 11 (3),16) в 291 году тервинги и тайфалы воевали против вандалов и гепидов, а какие-то «другие готы» (гревтуинги? — М.Щ.) против алеманнов и бургундов. Не известно, где конкретно происходили их столкновения, но судя по списку участников, в события было втянуто население от Поднепровья до Нижнего Повисленья, Среднего Подунавья и Верхнего Поэльбья, быть может, даже Порейнья. А в 297 году готы принимали участие в походе цезаря Галерия против шаха Нарсе и были федератами.

В 323 году отряды готов вторглись во Фракию и были отогнаны Константином, что послужило еще одним поводом для конфликта между августами, Фракия находилась под юрисдикцией Лициния, западный младший август вмешивался в дела старшего. В следующем году произошло открытое военное столкновение, причем обе стороны использовали силы готов (Exc. Vales. I,27; Лавров 1997). Победил, как известно, Константин. Лициний был пленен. Судя по сообщению Иордана (Iord. Get. 111-112), именно готские воины по тайному приказу Константина убили Лициния.

Вскоре Константину пришлось продемонстрировать союзникам-готам и свою силу. Готы на четвертом году 277 Олимпиады, то есть в 332 г. н.э., напали на живших в Потисье сарматов, те пожаловались императору. В тыл готам были брошены римские войска во главе с Констанцием, сыном Константина. Римляне вырезали до 100 тысяч готов, взяли в заложники сына готского короля Ариорика (Exc. Vals. 6; Hier. Chr. Ab. Av. 2948; Лавров 1997). Возможно, это был Аорих, ставший позже отцом знаменитого готс-

кого короля Атанариха, участника событий 370 годов. Аорих многие годы жил почетным пленником при дворе Константина, был даже удостоен конной статуи в Константинополе. Но, вернувшись, заставил своего сына поклясться перед священным дубом никогда не ступать на римскую землю (Амп. Магс. 27, 5,9). Атанарих клятву соблюдал, хотя перед смертью ему и пришлось ее нарушить, но это события уже следующей эпохи.

Успех действий Констанция против готов был, наверное, обеспечен возведением в 328 году грандиозного сооружения, стационарного каменного моста через Дунай в районе Сучидавы (Teodor 1974), остатки которого сохранились до сих пор. Это давало возможность в любой момент ударить по западному флангу Готии, легко перебросив туда значительные силы. Бич римской угрозы постоянно нависал над готами.

Реконструкция моста была завершена к 5 июля 328 года (Teodor 1974), в том же году начались работы по превращению небольшого городка Византий в столицу Империи — Константинополь. Сам император перебрался туда в 330 году, но работы, очевидно, продолжались и, по сообщению Иордана (Iord. Get. 112), готы принимали в них участие.

Константин, однако, должен был понимать, что в кризисной ситуации никакие мосты и крепости не удержат варваров Нижнего Дуная и Причерноморья от вторжений, опыт предшествующего столетия демонстрировал это весьма наглядно. Но теперь они могли бы угрожать непосредственно столице. С этими варварами было лучше жить в мире и дружбе. А за это нужно платить, и платить хорошо.

С готами был заключен союз — *foedus*. Мы не знаем конкретного текста соглашений, условия договора восстанавливаются лишь из косвенных данных, но с достаточной очевидностью (Wolfram 1990: 61-62). Готам выплачивалась ежегодная стипендия — аннона золотом, серебром и одеждой, возможно, продуктами.

Граница по Дунаю становилась прозрачной, купцы и прочие с обеих сторон могли без особых препятствий пересекать ее. Есть некоторые основания думать, что территория Готии вообще рассматривалась как часть Империи, хотя, естественно, со своим статусом (Лавров 1997). Практика создания буферных государств вдоль границ была традиционной политикой Рима. Вспомним Ванния, Маробода и других.

В ответ готы обязывались не пропускать к границам Империи прочих варваров и по необходимости предоставлять вспомогательные войска для участия в мероприятиях римского императора. Кроме того, они обязывались ежегодно поставлять до 40 тысяч призывников в римскую армию.

Дело в том, что реформы Диоклетиана вызвали определенные затруднения с армейским призывом. Законы привязывали население к по-

стоянному месту жительства и наследственной профессии, землевладельцы, ответственные за сбор налогов, весьма неохотно отпускали своих подопечных налогоплательщиков куда-нибудь на сторону, всевозможными мерами пытались избавить их от военной службы, которая к тому же стала малопrestiжной в глазах населения Империи (Грант 1998: 40-53).

Зато она оказалась привлекательной для варваров. Уровень жизни и цивилизованности при всех обстоятельствах в Империи был выше, чем в Барбарикуме. Таверны, термы, гетеры, зрелища гладиаторских боев и гонок колесниц, сравнительно дешевое вино — все это было доступно в той или иной степени и рядовому солдату, открывались возможности сделать и блестящую военную карьеру. Естественно, молодым воинам-варварам, искателям приключений и авантюристам, это представлялось заманчивым, несмотря на тяготы солдатской службы. Так что обе стороны должны были быть удовлетворены условиями *foedusa*.

Возможно, именно им в значительной мере объясняется и феномен черняховской культуры в ее классическом варианте — богатство, многолюдность, цивилизованность. Тем более, что и датировки совпадают почти полностью. Примечательно, что находки амфор из-под вина и масла абсолютно точно вписываются в ареал черняховской культуры (Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1988), в остальном Барбарикуме они практически неизвестны.

С другой стороны, в области черняховской культуры почти не встречаются наборы импортной римской бронзовой пиршественной посуды, столь характерные для Центральной и Северной Европы (Eggers 1951; Lund Hansen 1987). Очевидно, структура взаимоотношений была принципиально иной. В Европе римляне имели дело со многими и разными германскими племенами, вождями которых и старались подкупить разного рода подарками, в частности, в виде винных сервизов, бывших, вероятно, в германской среде предметами престижными и желанными. Вино же для вождей, в основном рейнское, поступало, вероятно, крупными партиями в больших бочках (Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1988).

В Европе названные сервизы находят в «княжеских» погребениях на сравнительно небольших могильниках с обрядом трупоположения, устроенных отдельно от больших родовых кладбищ рядового населения почти исключительно с трупосожжениями. В черняховской культуре такого явления практически не наблюдается. По всей вероятности, здесь римляне сталкивались с обществом, организованным несколько иначе, с протогосударственным образованием, где разнородные племена были объединены под властью одного или, временами, двух королей. Это был единый политический организм, отсюда монолитность культуры.

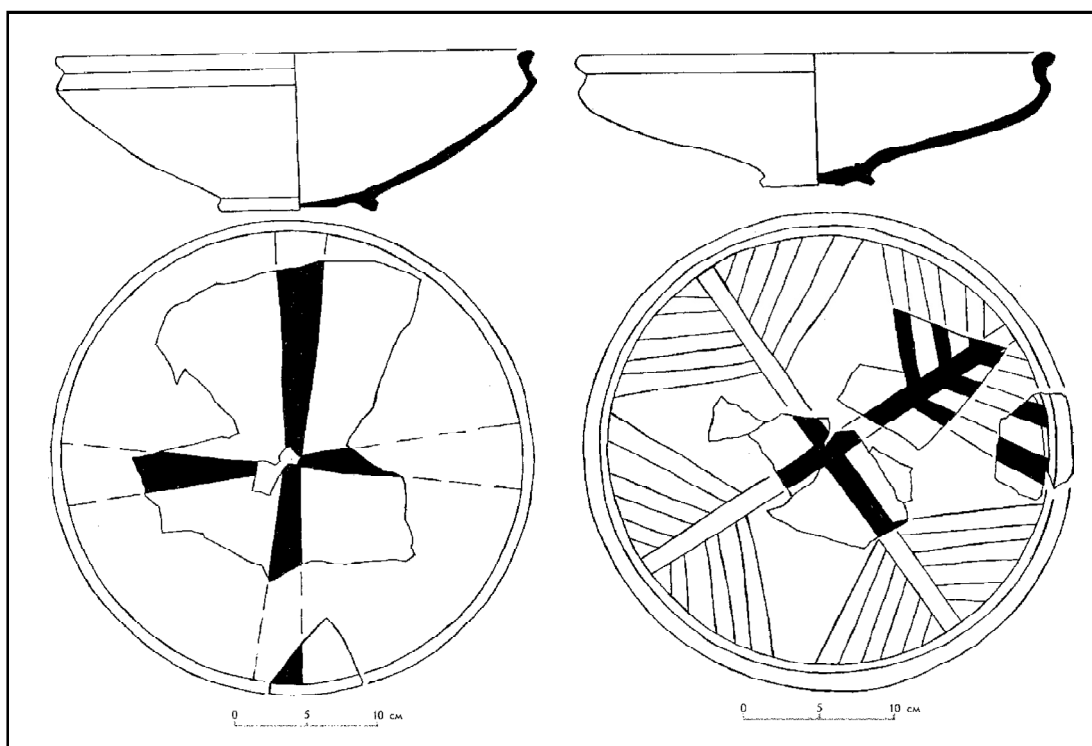

Рис. 13. Миски с «христианскими» (?) символами из Лепесовки. (Рисунки и реконструкция А.В.Воротинского.)

Обеспечивалась эта монолитность, вероятно, и определенной зависимостью от Империи, дипломатической (foedus), экономической (аннона) и культурной (черняховскую культуру вполне можно рассматривать как одну из культур провинциально-римских).

При таком подходе становится объяснимым и еще один феномен. Находки римских монет — не редкость в черняховской культуре, есть и клады, и отдельные монеты. Но в подавляющем количестве это деньги серебряные и чеканенные императорами значительно более раннего времени, еще во II веке, главным образом Марком Аврелием и Антонином Пием (Кропоткин 1961; Щукин 1979: Табл. 2; Тиханова 1979). Ко времени существования черняховской культуры такие монеты практически уже вышли из обращения на территории Империи, где вообще перешли на медно-золотую систему. Откуда же они взялись у носителей черняховской культуры? Вряд ли за счет пограничной торговли, как, например, небольшие светлоглиняные амфоры для вина, так называемого «инкерманского типа», тоже довольно многочисленные (Щукин 1968).

Остается предположить, что серебряные деньги — часть выплат федератам из запасов государственной казны Империи, где осели вышедшие из обращения номиналы. Федераты предпочитали именно их как более удобные при расчетах, им было важно содержание серебра, а не портрет императора, поэтому они отказывались и от денег, выпущенных во время кризи-

са III века, когда содержание серебра в монетах резко упало.

Нужно сказать, что готы-федераты, обязавшиеся не пропускать прочих варваров к границам Империи, обрабатывали свой хлеб достаточно исправно. Имеющиеся сведения о войне вестготов-тервингов во главе с королем Геберихом против «свободных сарматов» и вандалов короля Визимира были, возможно, именно такой акцией. События происходили где-то между Марошем и Тисой в 334 году (Wolfram 1990: 34-35, 62.).

После смерти Константина в 337 г. в отношениях с готами Констанций продолжал политику отца. Возможно, к этому времени уже иссякал запас старых монет в казне, и Констанций чеканит новые селиквы, предназначенные, вероятно, специально для расчетов с варварами. Находки их тоже известны в черняховской культуре, в частности, клад таких новеньких, не побывавших в обращении монет был обнаружен в углу одного из жилищ на черняховском поселении Холмское в Одесской области (Гудкова, Столярник 1985; Stoljarik 1992: 30-31).

При Констанции была изгнана «в пределы Скифии» одна из христианских еретических сект во главе с неким старцем Авдием. Авдиане, «идя вперед, в самую внутренность Готии, огласили христианским учением многих готов». Эти сведения мы находим у Епифания, епископа Кипра с 367 по 403 год (Eph. Aduer. Haeres. 2, 1, 1-2, 15; Лавров 1997).

В археологическом материале мы не имеем

каких-либо прямых указаний на наличие христианства у носителей черняховской культуры, разве что на внутренней части нескольких гончарных мисок из Лепесовки серолощенные кресты типа мальтийских и «пальмовых» ветвей (рис. 13) (Тиханова 1963: рис. 4,4), но связано ли это с христианскими воззрениями, остается неясным, да и Э.А. Сымонович был склонен считать довольно многочисленные черняховские погребения с западной ориентировкой и без инвентаря христианскими (Сымонович 1963), что тоже труднодоказуемо, хотя и не исключено.

Ни во времена Констанция, ни во время его преемника Юлиана Отступника, пытавшегося восстановить языческую религию в Империи, мы не слышим ничего о конфликтах с готами или угрозе границам с этой стороны. Исключение составляют лишь события 347-349 годов, когда группы готов были переселены на территорию Империи, но связано это было скорее с разногласиями в среде варваров и в какой-то мере опять же с христианством.

Для прояснения этой ситуации начнем с начала. В последний год жизни Константина к нему прибыло посольство готов, среди которых был молодой человек по имени Ульфила, в дальнейшем известный переводчик «Библии» на готский язык, один из экземпляров которой, запечатанный на пурпурном пергаменте серебряными буквами, вероятно, в VI в. при дворе короля Остготов Теодориха в Италии, дошел и до нас: ныне он хранится в библиотеке Университета Упсалы в Швеции (Tjäder 1972).

Имя Ульфила — «волчонок» — свидетельствует о готском происхождении: отец, очевидно, был готом и, возможно, знатного рода, поскольку Ульфила был включен в состав посольства на высоком социальном уровне, а мать его была дочерью греков-христиан, взятых готами в плен в Каппадокии, вероятно, во время морских набегов 264 или 266 годов. Юноша был достаточно образован, был христианином и учеником упомянутого епископа Готии Феофила.

После смерти Константина посольство еще некоторое время оставалось в Константинополе, и вскоре Ульфила, несмотря на молодость, был рукоположен в епископы Евсебием, вернувшимся в Константинополь из Никомедии в 338 году. Рукоположение молодого готского епископа произошло, скорее всего, несколько позже, в 341 году. Из дошедших до нас писем Авксентия, ученика Ульфила, мы знаем, что последний был епископом 40 лет, а умер в 381 году.

Получив сан, Ульфила отправился к готам проповедовать христианство и делал это в течение 7 лет. Затем, как сообщает Филосторгий, уроженец Каппадокии и современник событий, написавший «Историю церкви» с 300 по 425 годы, некий «безбожный и нечестивый, кто начальствовал над готами в качестве их судьи».... «возвел в стране гонения против христиан»

(Philostorg. H.E. II, 5). Поскольку из известных нам готских правителей только Атанарих носил этот странный и не совсем понятный титул — *judex* (Amm. Marc. 27, 5,6), можно думать, что именно он был организатором гонений на христиан в Готии в 347 году, в результате чего Ульфила и его приспешники были вынуждены страну покинуть и поселиться в районе Никополя в Мезии, на территории Империи. Здесь они еще долго известны под именем «малых готов», из числа которых происходил, кстати, и Иордан.

Из сказанного следует несколько умозаключений, существенных для истории готов. Если еще в 334 г. король готов Геберих воевал против сарматов и вандалов, а уже в 347 г. другой готский правитель, *judex* Атанарих организовал гонения на христиан, то не значит ли это, что в тот момент Геберих «уже отошел от дел человеческих» (Iord. Get. 116), и, согласно тому же Иордану, к власти над всеми готами пришел Великий Германарих-Ермунрих, правление которого следовало бы начинать именно с этой даты?

Ариорик, Аорих, Геберих, Атанарих, очевидно, из рода Балтов, управлявших позднее западной ветвью готов, визиготами, Германарих же — из рода Амалов, правителей остроготов. Причем Атанарих и Германарих явно современники, возможно, соправители. Как же соотносились в готском сообществе эти две группировки и их правящие аристократические роды? Ответ на эти вопросы, если они вообще разрешимы, следует искать в последующей работе, посвященной ситуации второй половины IV и начала V века, эпохе Германариха-Атанариха и их наследников.

В заключение остается повторить еще раз, что феномен «классической» черняховской культуры, с её удивительной цивилизованностью — грамотностью, владением «высокими технологиями» производства гончарной керамики, стекла, своих вариантов фибул, пряжек и прочих украшений, можно искать в постоянных контактах с Империей, обеспеченных «*foedus'om*» с Константином. Выплаты серебром и продуктами федератам создали, вероятно, то относительное благополучие и последовавший затем демографический взрыв, что могло бы объяснить многолюдность носителей черняховской культуры при всей полиэтничности её составляющих. Греческими и латинскими авторами они воспринимались под обобщающим именем готы или скифы. Последнее являлось очевидным анахронизмом, не лишённым, впрочем, и определенной обоснованности. Готы, герулы и прочие пришельцы во время набегов III в. неизбежно должны были бы использовать представителей местного северопричерноморского населения, знакомых с греческим языком, хотя бы в качестве переводчиков. Греки же, общаясь с ними и зная, что они «скифы», переносили это понятие и на всю массу варваров.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов М.В. 1991. История одного мифа. Марр и марризм. М.
- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ Д 1-30, М.
- Артамонов М.И. 1956. Славяне и Русь. // Тез. докл. на сессии ист. наук ЛГУ. Л.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе. // СА, N. 3.
- Баран В.Д. 1959. Розкопки на поселенні I тисячоліття н.е. в с. Ріпневі (Ріпнів II) ЛьвівськоО обл. в 1957 г. // МДАПВ, Київ, вип. 2.
- Баран В.Д. 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга: раскопки 1957-1960 гг. // МИА No 116. М.
- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.
- Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. // Славяне и Русь. Киев.
- Березовец Д.Т. 1963. Поселения улличей на Тясьмине // МИА No 108. М.
- Березовец Д.Т. 1963. О датировке черняховской культуры // СА, No 3.
- Бобринский А.А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н.э.). М.
- Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник. // Могильники черняховской культуры. М.
- Брайчевський М.Ю. 1952. Антський період в історії східних слов'ян // Археологія, т. VII.
- Брайчевский М.Ю. 1953. Основные вопросы изучения антов // Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев.
- Брайчевський М.Ю. 1957. Про етнічну приналежність черняхівської культури // Археологія. Т. X.
- Брайчевский М.Ю. 1957. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н.э. // СА No 3.
- Брайчевський М.Ю. 1994. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н.э. // Археологія N. 3.
- Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.
- Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1979. Ранний горизонт (II-IV вв н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия). // СА, No 1.
- Гамченко С.С. 1896. Раскопки в бассейне р. Случи // Труды XI Археологического съезда. Т. I. М.
- Гей О.А. 1985. Черняховская культура и скифо-сарматский мир. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Гей О.А. 1980. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА, No 2.
- Гей О.А. 1993. Черняховская культура: Хронология. // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н.э. (Серия «Археология СССР»). М. С. 143-146.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Голубева Л.А. 1957. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. // СА, No 4.
- Гончаров В.К. 1958. Райковецкое городище. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том IV. Киев.
- Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград.
- Гудкова А.В. 1987. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н.э. Киев.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев.
- Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холпское Одесской области. // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. // Киев.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II. // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I-IV вв. н.э. Киев.
- Даниленко В.И. 1976. Пізнозарубунецькі пам'ятки кївського типу // Археологія, вип. 19.
- Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму. // САИ, вып. Д1-7. М.
- Ерошенко В.В., Семенов А.И. 1998. Новые поселения черняховской культуры на юго-западе Белгородчины. // Поселения: среда, культура, социум. СПб.
- Журко А.И. 1983. Жилые сооружения племен черняховской культуры. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Журко А.И. 1988. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 4. Киев.
- Зелинский А.Н. 1978. Конструктивные принципы древнерусского календаря. // Контекст: литературно-исторические исследования. М.
- Зильманович И.Д. 1995. Об одном типе керамики из Лепесовки. // СГЭ, вып. 56.
- Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области. // ТГЭ, том XV.
- Козак Д.Н. 1985. Пшеворская культура и вольно-подольская группа. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.
- Козак Д.Н. 1985а. Вельбарская культура. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев.
- Козак Д.Н. 1992. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.
- Корзужина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА, Т. XXII.
- Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988. Северная граница распространения амфор в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. // САИ, вып. Г 4-4.

- Кухаренко Ю.В. 1955. Славянские древности V-IX вв на территории Полесья. // КСИИМК, вып. 57.
- Кухаренко Ю.В. 1958. Волынская группа полей погребений. // СА, No 4.
- Кухаренко Ю.В. 1960. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. // *Slavia Antiqua*, Vol. 7.
- Кухаренко Ю.В. 1970. Погребение у с. Пересыпки. // Древние славяне и их соседи. М.
- Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. // М. Кънчев М. 1973. Праисторически и антични материали в музея град Нова Загора. Нова Загора.
- Лавров В.В. 1997. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III-IV вв н.э. // Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. Рукопись.
- Лавров В.В. 1997а. Герулы в Причерноморье. // *Stratum + ПАВ*. СПб-Кишинев.
- Левада М., Строкова Л. 1998. Находки южнскандинавского происхождения позднего римского времени в Северном Причерноморье. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 р. Київ.
- Лихтер Ю.В. 1987. Стекло черняховской культуры. // Автореферат... дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое. // МИА No 74.
- Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л.
- Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Магомедов Б.В. 1989. Трехнефный споруди у черняхівському домобудуванні // Археологія, вип. 4.
- Магомедов Б.В. 1992. Снітинка — поселення гребеников III-IV вв ст. н.э. // Стародавнє виробництво на території України. Київ.
- Марченко Г. 1982. Этруски на Галліццене? // Жовтень, No 2, Львів.
- Махно Е. В. 1950. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. // Археологія, т. IV.
- Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА №82, М.
- Махно Е.В. 1970. Знову про локальні варіанти черняхівської культури. // Археологія, No 24.
- Минасян Р.С. 1978. Классификация ручного зернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА N. 2.
- Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА, No 1.
- Нудьга Г.А. 1979. Промінь у таємницю. // «Жовтень», N 10. Львів.
- Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — IV вв н.э. Москва-Сумы.
- Обломский А.М. 1992. О роли позднзарубинецкого населения в сложении киевской культуры. // РА. №1.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.М. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
- Петров В.П. 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // МИА No 108.
- Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст н.е. Київ.
- Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.
- Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX вв в Молдавии. Кишинев.
- Рафалович И.А. 1986. Данчаны. Могильник черняховской культуры III-IV вв н.э. Кишинев.
- Рикман Э.А. 1962. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховской культуры // СЭ. No 3.
- Рикман Э.А. 1975. Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. // Древние жилища народов Восточной Европы. М.
- Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI-IX веков между Днепром и Западным Бугом // САИ, вып. E1-25. М.
- Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Рыбаков Б.А. 1948 Анты и Киевская Русь // ВДИ, No 1.
- Рыбаков Б.А. 1962. Календарь IV в. из земли полян. // СА, №4.
- Рыбаков Б.А. 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Сагарда Н.И. 1916. Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский: его жизнь, творения и богословие. Пг.
- Смішко М.Ю. 1964. Поселення III-IV ст. н.е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів в Чернівецькій обл. // МДАПВ, вип. 5.
- Смішко М.Ю., Свешніков І.К. 1961. Могильник III-IV століть н.е. у с. Дитиничі Ровенської обл. // МДАПВ, вип. 3.
- Сымонович Э.А. 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. // СА, N. 1.
- Табакова-Цанова Г. 1964. Нови находки в Плевенския музеи. // Археологія. Год.VI. 4. София.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев.
- Терпиловский Р.В., Шекун А.В. 1996. Олександрівка — богатшарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.
- Тиханова М.А. 1941. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. // МИА, вып. 6. М.
- Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры. // СА, N. 4.
- Тиханова М.А. 1960. Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. // КСИИМК, вып. 79.
- Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III-IV вв у с. Лепесовка в 1957-1959 гг. // СА, N. 2.
- Тиханова М.А. 1964. Днестровско-Волынская экспедиция в 1960-1961 гг. // КСИИМК, вып. 121.
- Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л.
- Тиханова М.А. 1973а. Гончарные печи на поселении Лепесовка. // КСИИМК, вып. 133.
- Тиханова М.А. 1976. Следы рунической письменности в черняховской культуре. // Средневековая Русь. М.
- Тиханова М.А. 1977. Старшерунические надписи. // В кн.: Е.А. Мельникова. «Скандинавские рунические надписи». М.
- Тиханова М.А. 1979. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами. // КСИИМК, вып. 159.
- Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
- Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л.
- Фокеев М.М. 1998. Поселення Буджацького степу у I ст. до н.е. — IV ст. н.е. // Автореферат... дисс.

- канд. ист. наук. Одеса.
- Фундуклей И. 1848. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев.
- Хавлюк П.И. 1960. Первая находка зооморфного изображения мартыновского типа на славянском поселении. // СГЭ, вып. XIX.
- Хавлюк П.И. 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. // МИА. вып. 108.
- Хавлюк П.И. 1988. Вельбаркские памятники на Южном Буге. // KWMOR, t. I.
- Хвойка В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Поднепровье. // ЗРАО, Нов. сер. Т. 12, вып. 112. СПб.
- Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб.
- Шаров О.В. 1995. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в н.э. (Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура). // Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. Рукопись.
- Штаерман Е.М. 1957. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. М.
- Штаерман Е.М. 1978. Древний Рим: проблемы экономического развития. М.
- Щапова Ю.Л. 1978. Мастерская по производству стекла у с. Комаров. // СА, N. 1.
- Щербакова Т.А., Щукин М.Б. 1991. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры. // Древности юго-запада СССР. Кишинев.
- Щукин М.Б. 1962. Комплекс лепной керамики из поселения Лепесовка // Тез. докл. на 8-й Всесоюз. конф. студентов-археологов. Л.
- Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры. // КСИА, вып. 112.
- Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. // СА, N. 2.
- Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры. // АСГЭ, вып. 12.
- Щукин М.Б. 1972. К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры у с. Незвиско. // СГЭ, вып. 35.
- Щукин М.Б. 1973. Черняховская культура и явление Кельтского Ренессанса (к постановке проблемы). // КСИА, вып. 133.
- Щукин М.Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры. // ZNUJ, N. 422, Prace Archeologiczne, z. 22. Kraków.
- Щукин М.Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках. // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. // АСГЭ, вып. 20.
- Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Щукин М.Б. 1988. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка. // СА, N. 3.
- Щукин М.Б. 1989. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // KWMOR, t. II.
- Щукин М.Б. 1991. К вопросу о контактах римлян с носителями черняховской культуры (по материалам поселения Чимишени). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в н.э.). Киев.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б. 1994а. Черняховские «чары» из Лепесовки. // Проблемы археологии, вып. 3. СПб.
- Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены. // В кн. И.А. Рафалович. Данчены: могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
- Щукин М.Б. (в печати). О первых свидетельствах появления готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале черняховской культуры // Материальная культура и этнический менталитет. СПб.
- Щукин М.Б. (в печати). Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // К столетию открытия черняховской культуры. Киев.
- Albertsen E. 1971. Fynske Jernaldergrave. Gravplades på Møllegårdmarke von Bornholm. Odensee.
- Almgren O. 1923. Zu studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provizialrömischen und südrussischen Formen. // Mannus-Bibliothek, Nr. 32, Leipzig.
- Banki Zs. 1982. Heiligtum des Iuppiter Dolchenus in Vetus Salina. // Alba Regia XIX. Szekesfehervar.
- Becker M. 1996. Untersuchungen zur römischen Kaiserzeit zwischen südlichen Harzland, Thüringerbecken und Weisser Elster. Halle (Saale)
- Beilke-Voigt I. 1998. Frühgeschichtliche Miniaturobjecte mit Amulettcharacter zwischen Britischen Inseln und Swarzem Meer. Bonn.
- Bender W., Barankiewicz Z. 1962. Osada z okresu rzymskiego w Wólscie Lasieckiej, pow. Lowicz. // Archaeologia Polski, t. VII, z. 1.
- Bichir Gh. 1976. Archaeology and History of the Carpi. // B.A.R. Supplementary Series 16. Oxford.
- Blume E. 1912. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. // Mannus-Bibliothek, Nr. 8.
- Bøe J. 1931. Jernalderens keramik i Norge. Bergen.
- Bona I. 1963. Beiträge zur Archäologie und Geschichte der Quaden // Acta Archaeologica Hungaricae, Bd XV.
- Borkowski I. 1940. Staroslovanska keramika ve stredni Europe. Praha.
- Böttger B. 1973. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Jatrus // Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und Frühmittelalterliche Siedlung an der Unteren Donau. Berlin.
- Brachmann H. 1978. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin.
- Brenner E. 1915. Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit. // 7. Bericht der RGK. Frankfurt.
- Buratinski S. 1976. Rzemieslicza produkcja ceramiki siwej, toczonej z okresu wpływów rzymskich w Nowej Hucie i Igołomi. // ZNUJ, Nr. 422. Prace Arch. z. 22.
- Dąbrowska T. 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków.
- Chmielowska A. 1971. Grzebieńie starożytnie i średniowieczny z ziem polskich. Łódź.
- Csallany D, Csiszár A., Nemeth P. 1967. Beregsurány. // AÉ, 97.
- Dobrzańska H. 1990. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. krakowskie. Kraków.
- Drews G. 1979. Entwicklung der Keramik-Brennhöfen. // Acta Praehistorica et Archaeologica, 1978/1979, Bd 9/10.
- Ebert M. 1913. Die Ausgrabungen bli dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnieper, Gouv. Cherson. // Praehistorische Zeitschrift, Bd 5.
- Eggers H.-J. 1951. Das römische Import im freien

- Germanien. Hamburg.
- Ekhölm G. 1963. Scandinavian Glass Vessels of Oriental Origin from the First to the Sixth Century. // *Journal of Glass Studies*. Vol. 5. New York.
- Engelhard C. 1877. Skeletgrave på Sjælland og i det østlige Danmark. En skitse fra den ældre jernalder. Aarborger.
- Ettlinger E. 1952. Chr. Simonett, Römische Keramik aus dem Schatthügel von Vindonissa. In: *Veröffentlichungen des Gesellschaft pro Vindonissa* 3.
- Feffer L.-Ch., Perin P. 1987. *À l'origine de la France*. Paris.
- Fellmann R. 1952. Vayener Eifelkeramik aus den Befestigungen der spätrömischen Rhienlimes in der Schweiz. // *Jahrbuch des Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte*. Bd 42, Zürich.
- Filtzinger P. 1972. Die römische Keramik aus dem Militärbereich von Novaesium. *Limesforschungen*, Bd 11.
- Finley M.I. 1973. *The Ancient Economy*. Berkley and Los Angelos.
- Fremersdorf F. 1965-1966. Die Anfänge der römischen Glasshütten Köln. // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. Bd 8.
- Gajewski L. 1959. Badania nad organizacją produkcji pracowni garncarskich z okresu rzymskiego w Igołomi. // *WA*. T. 3, z. 1.
- Die Germanen. 1976. Ein Handbuch im Zwei Bänden. Berlin.
- Gillam J.P. 1957. Types of Roman Coarse Pottery Vessels in Northern Britain. In: *The Publication of the Society of Antiquaries of Newcastle upon Tyne XXXV*, H. 4, 180-243.
- Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
- Godłowski K. 1972. Fromborski skarb z okresu wędrówek ludów. // *Komentarze Fromborskie*, z. 4.
- Godłowski K. 1979. Z badań nad zagadnieniem rozhrzeźtrzenia słowian w V-VI w. n.e. Kraków.
- I Goti. 1994. Milano.
- Griffen von, A. 1958. Prähistorische Hausformen auf Sandböden in der Niederlanden. // *Germania*, Bd. 36.
- Grünewald M./ Fliegenaur-Schmiedt S. / Friesenger H./ Neugebauer-Maresch Ch. / Neugebauer J-W. 1983. Die antiken, urgeschichtlichen und mittelalterlichen Funde der Grabungen auf dem Stiftplatz zu Klosterburg 1953-1954 (*Capella Speciosa*). // *Jahrbuch des Stiftes Klosterneuburg* 12.
- Hadaczek K. 1909. *Album przedmiotów wydobytych w grobach cmentarzyska ciałopalnego kolo Przeworska*. Lwów.
- Hatt G. 1953. An Early Roman Iron Age Dwelling Site in Holsland, West Jutland // *Acta Archaeologica*. Vol. XXIV. København.
- Hunold A. 1995. Der römische Vicus von Alzey. In: *Archäologische Schriften des Institutes für Vor- und Frühgeschichte der Iohannes Gutenberg-Universität*. Mainz. 5.
- Hvass S. 1985. *Et vestjysk lands by samfund fra ældre jernalder*. København.
- Iconomu G. 1968. Cercetări arheologice la Mangalia și Neptun. // *Pontica*. Constanța.
- Ionița I. 1972. Probleme der Sîntana de Mureș — Cernjachov — Kultur auf dem Gebiet Rumäniens. // *Studia Gotica*. Stockholm.
- Kaschau B. 1973. Die Drehscheibenkeramik aus Plangrabungen 1967-1972. // *Heidelberg Akademie der wissenschaften Kommission für Alamanische Alttertumkund Schriften*. Bd 2. Heidelberg.
- Kazanski M. 1985. La peigne en os. // *M. Larrieu, P.Périn*. La nécropole mérovingienne de la Nurraque, Beacaire-sur-Baise. Toulouse.
- Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution a l'étude des temoignages archéologiques des Goths en Europe orientale a l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Cernjachov récente // *Archéologie Médiévale*. T. XVII.
- Klindt-Jensen O. 1957. *Bornholm i Folksvandrigstiden*. København.
- Klind-Jensen O. 1978. *Slusegårdgravpladsen Bornholm fra 1. årh. f. til 5. årh. e. v. t.* København.
- Kokowski A. 1995. *Shätze der Ostgoten*. Bevern.
- Kolnik T. 1965. K typologii a chronológii niektorých spon z mlašey doby rimskey ha juhozápadnom Slovensku. *SIA*. R.13, c. 1.
- Kostrzewski J. 1961. Elementy celtyckie w kulture gockogepidzkiej. // *Archeologia Polski*. T.VI.
- Lamiová-Schmiedlová M. 1969. Römerzeitliche Siedlunskeramik in der Südostslowakei. // *Slovenská Archeológia*, XVII-2.
- Laser R. 1965. Die römische Kaiserzeit im Oder-Spree Gebiet. // *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte*. Bd 9. Potsdam.
- Lund Hansen U. 1987. *Römische Import im Norden*. København.
- Madyda R. 1977. Sprączki i okuią pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim. // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. T. IV.
- Madyda-Legutko R. 1987. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. // *BAR*, Intern. Series 360. Oxford.
- Mannecke P. 1987. *Undersökingarna på Uddvide (Barshaldershed), Grötlingbo*. // *Vägen till kulturen på Gotland*. Gotländsk Arkiv. Årgång 59.
- Mitrea B. 1972. Die Goten an der unteren Donau — einige Probleme im III.-IV. Jahrhundert. // *Studia Gotica*. Stockholm.
- Mitrea B., Preda K. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e.n. în Muntenia. București.
- Müller G. 1977. Die römische Kastell Eillingen. *Limesforschungen*, Bd 17.
- Müller-Qualles G. 1940. *Die Goten*. // *Vorgeschichte der Deutschen Stämme*. Bd 3. Berlin-Leipzig.
- Näsmann U. 1984. *Glas och handel i senromersktid och folkvandringstid*. Uppsala.
- Oelmann F. 1914. *Die Keramik des Kastells Niederbieber*. // *Materialen zu Römisch-Germanischen Keramik*.
- Okulicz J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e.* Wrocław etc.
- Oliva P. 1962. *Pannonia and the Onset of Crisis in Roman Empire*. Praha.
- Palade V. 1986. *Necropole du IV-e et commencement du V-er a Bîrlad-Valea-Seaca*. // *Inventaria Archaeologica*. Fasc. 12.
- Palade V. 1969. *Noi ateliere de lucrat din corn de cerb in secolul al IV-lea e.n. la Valea-Seaca-Bîrlad*. // *Carpica*, Bd II.
- Parczewski M. 1993. *Die Anfänge der frühslavische Kultur in Poland*. Wien.
- Parker S.T. 1979. *Roman and Saracens: a History of Arabian Frontier*. Los Angelos.
- Pekarskaja R.V., Kidd D. 1994. *Der Silberschatz von Martynovka*. Innsbruck.
- Périn P., Feffer L.-Ch. 1987. *Les Francs. Al a conquete de Gaule*. Paris.
- Plank D. 1975. *Arae Flaviae I. Neue Untersuchungen zur Geschichte des römische Rottweil*. Stuttgart
- Poczy Sz. 1956. *Töpferwerkstätten von Aquincum*. // *Acta*

- Archaeologica Hungarum, Bd VII, Fasc. 1.
 Prahistoria ziem polskich, tom V. 1981, Warszawa.
 Raddatz K. 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürteltaile und Körperschmuck. // *Offa-Bücher*. Bd 13.
 Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. // *Mainzer Zeitschrift*. N. 1. Mainz.
 Rau G. 1972. Körpergräber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. // *Acta Praehistorica et Archaeologica* 3.
 Rau G. 1975. Spätantikke Glasfunde im Karpatenraum // *Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa*. Marburg.
 Reyman T. 1936. Problem ceramiki siwej na kole toczoney na łę odkryć w górnym dorzeczu Wisły. // *Wiadomości Archeologiczne*, t. 14.
 Roeren R. 1960. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Jb. RGZM*. Mainz.
 Rodriguez-Aragon F.P. 1996. La cultura de Tchernjahov, la diaspora Gotica y el peine de Cacabelos. // *Bolletín del seminario de estudios de arte y arqueología*. LXII, Valladolid.
 Šarov O. 1995. Hassleben-Leuna und Dančeny. // *La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle*. Paris.
 Schätze der Ostgoten. 1995. Eine Ausstellung der Maria-Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseum Zamość. Bavern.
 Schlabow K. 1949. Haartracht und Pelzschulterkragen der Moorleiche von Osterby. // *Offa*, Bd 8.
 Schulz W. 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin.
 Ščukin M.B. 1975. Das Problem der Černjachov-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur. // *ZfA*, Bd 9, Heft 1. Berlin.
 Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. // *B.A.R. International Series* 452. Oxford.
 Shchukin M.B. 1994. Notes to the Problem of Visigoths and Ostrogoths on the Northern Black Sea Littoral // 6. Congreso Hispano-Ruso de historia. Madrid.
 Shchukin M.B. 1994a Certain Problems of Study of the Wielbark and Chrenjkhovo Cultures Cementaries. // *Praehistoric Graves as a Source of Information: Symposium at Kastloza*. Uppsala.
 Simon, H.-G. 1976. Die Funde aus den frühkaiserzeitlichen lagern Rödgen, Friedberg und Nauchaim. // *Limesforschungen*, Bd 15.
 Skworon I. 1979. Osada z okresy rzymskiego na Pomorzu, w południowej Skandynawii i Jutlandii. Studium porównawcze. // *Archaeologia Baltica*, vol. IV.
 Śmiszko M. 1932. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów.
 Stoljarik E.S. 1992. Essays on Monetary Circulation in the North-Western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods. Odessa.
 Straume E. Glasgefäße mit Reparatur in nordischen Grabfunden der Völkerwanderungszeit. Gladbach. 19
 Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska. // *Problemy kultury wielbarskiej*. Stupsk.
 Tejral J. 1995. Die Verbundeten Roms nördlich des pannonischen Limes und ihre Nobilität der Spätantike. // *La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle*. Paris.
 Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd 8. Leipzig.
 Thrane H. 1993. Guld, guder og godtfolk — et magteentraam fra jernalderen ved Gudme og Lundeberg. København.
 Tikhanova M.A., Shchukin M.B., Shcheglova O.A., Sharov O.V. (In print). The Structure of the Lepesovka Settlement.
 Tjäder J.-O. 1972. Des Codex Argenteus in Uppsala und die Buchmeister Viliarius in Ravenna. // *Studia Gotica*. Stockholm.
 Trier B. 1969. Das Haus im Nordwesten der Germania Libera. Neumünster.
 Tudor D. 1974. Les ponts romains du bas Danube. Bucharest.
 Unverzagt W. Die Keramik des Kastells Alzey. // *Materialien zu Römisch-Germanische Keramik*. 1916.
 Unverzagt W. 1970. Neue Ausgrabungen in Römerkastell Alzey. // 49. Bericht der RGK. 1968. Berlin.
 Uslar R. 1938. Westgermanische Bodenfunde des I. bis III. Jhts nach Chr. aus Mittel- und Westdeutschland.
 Walke N. 1965. Das römische Donaukastell Straubing-Sordiviodorum. Limesforschungen, Bd 3.
 Werner J. 1938. Die römischen Bronzegefäßdepots des 3. Jahrhunderts und die mitteleuropäische Skelettgräbergruppe. // *Marburger Studien*. Darmstadt.
 Werner J. 1966. Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. München.
 Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteleuropäischen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der «ingentia auxilia germanorum» des gallischen Sonderreiches in der Jahren 259-274 nach Chr. // *Festschrift für Walter Schlesinger*. Bd I. Mitteldeutsche Forschungen. Bd 74/1. Köln.
 Werner J. 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachow-Kultur zwischen Sereth und Dniester, und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen. // *Böner Jahrbücher*. Bd 188.
 Wirth H. 1974. Kerbscheibenkalender Oslo. // *Kalenderblätter*.
 Wolfram H. 1990. History of the Goths. Berkeley.
 Zeman J. 1976. Najstarsi slovenske osiedleni Čech. // *Pamatké Archeologické*. R. 1.
 Zippelinus A. 1953. Das vörmittelalterliche dreischiffige Hallenhaus in Mitteleuropa. // *Böner Jahrbücher*, Bd 153.